

В.П. Эфроимсон

ПРЕДПОСЫЛКИ ГЕНИАЛЬНОСТИ

(Биосоциальные факторы повышенной умственной активности)

От редакции журнала "Человек":

Книга печатается со значительными сокращениями (купюры отмечены знаком <...>). Общее название публикации дано редакцией, подзаголовок - авторское название книги. Полностью рукопись депонирована в ВИНТИ (№ 1161) 15 марта 1982 г.

От VIVOS VOXO:

Рубрикация текста отвечает журнальной публикации. Литературным ссылкам придана сквозная нумерация, а их список отнесен в конец.

Журнальной публикации предпослана вступительная статья
[С.Э. Шноль, "Неистовый Эфроимсон"](#)

- [Введение](#)
 - [Постановка задачи и определение гениальности](#)
 - [Частота гениев потенциальных, развившихся и реализовавшихся](#)
 - [Общественная ценность реализовавшегося гения](#)
 - [Социальные и информационные кризисы как факторы, повышающие значение исключительной одаренности](#)
 - [Решающая роль детско-подростковых условий развития в определении ценностных критериев, установок, устремленности и самомобилизации](#)
 - [значение детского и подросткового периода](#)
 - [к генетике интеллекта](#)
 - [принцип неисчерпаемой наследственной гетерогенности](#)
- [Фактор гиперурикемической \(подагрической\) стимуляции умственной активности и патографии выдающихся подагриков мировой истории](#)
 - [Психологические особенности подагрических гениев](#)
 - [Доля достоверных подагриков, обнаруженных автором в различных групповых биографиях и перечнях](#)
 - [Патографии выдающихся подагриков и кратчайшие очерки их значения](#)
 - [Филипп II и Александр Македонский](#)
 - [Марк Випсаний Агриппа](#)
 - [Папа Григорий Великий](#)
 - [Микеланджело](#)
 - [Христофор Колумб](#)
 - [Борис Годунов](#)
 - [Джон Мильтон](#)
 - [Петр I](#)
 - [Интеллигенция Германии XVIII - XIX веков](#)
 - [Иоганн Якоб Берцелиус](#)
 - [А.П. Ермолов](#)
 - [Отто Бисмарк](#)

- [Анализ возникающих возражений](#)
- [Некоторые итоги](#)
- [Синдромы Марфана, Морриса и андрогены](#)
 - [Синдром Марфана](#)
 - [Авраам Линкольн](#)
 - [Ганс Христиан Андерсен](#)
 - [Шарль де Голль](#)
 - [К.И. Чуковский](#)
 - [Синдром Морриса, Жанна д'Арк, андрогены](#)
 - [Жанна д'Арк](#)
- [Циклотимические гении и таланты, их подъемы и спады](#)
 - [Гипоманиакальность \("гипертимичность"\)](#)
 - [Заключительные замечания](#)
- [Гигантолобые и высоколобые гении](#)
 - [Предварительные соображения и данные](#)
- [Гениальные и высокоталантливые роды, созданные наследственными механизмами, социальной преемственностью и брачным подбором \(динамическая гениальность\)](#)
 - [Генетика одаренности, бездарности и болезней монархов Европы](#)
 - [Династия Толстых-Пушкиных: Тютчев, Чаадаев, К.Н. Леонтьев, А.К. Толстой, Л.Н. Толстой, Одоевские, А.С. Пушкин](#)
 - [Граф П.А. Толстой](#)
 - [П.Я. Чаадаев](#)
 - [А.С. Пушкин](#)
 - [А.К. Толстой](#)
 - [Л.Н. Толстой](#)
- [Итоги и перспективы; задачи историогении и гениеологии; непредсказанное прошлое](#)
- [Заключение](#)

Введение

Проблема повышенной умственной активности, особенно в ее наиболее ярком проявлении - гениальности, которому, по преимуществу, и будет посвящено исследование, тысячелетия привлекала большое внимание. Литература, посвященная гениальности и гениям, почти неисчислима. Но в подавляющем большинстве случаев гениальность понималась как нечто иррациональное, не поддающееся ни объяснению, ни анализу, нечто совершенно непостижимое. Рассмотрение накопленного гигантского фактического материала позволяет понять очень многие компоненты гениальности, не только подтвердить само собой разумеющийся примат социальных факторов в развитии и реализации гения, но и выявить огромную роль ряда биологических факторов в появлении потенциального гения.

Прежде всего надо констатировать, что примат социального определяется четырьмя факторами, которые в дальнейшем будут рассмотрены подробнее:

1. Становление в детско-подростково-юношеском периоде твердых ценностных установок.
2. Выбор деятельности в соответствии с индивидуальными дарованиями.
3. Оптимальные условия для развития этих дарований, иногда активно созданные даже вопреки социуму.

4. Наличие благоприятных социальных условий (социального заказа, "спроса") для самореализации.

Что касается первого фактора, то в этологию прочно вошел термин "импринтинг" - запечатлевание, означающее большую совокупность явлений: если утята, вылупляющиеся из яиц, увидят поблизости не утку-наседку, а любое другое движущееся существо, то они гуськом последуют за ним, будь это собака или человек. Причем этот инстинкт следования за данным объектом оказывается закрепленным пожизненно, но только в том случае, если впечатление имело место в момент вылупления.

При всей необычайной сложности психики человека некоторые впечатления, восприятия, чрезвычайно избирательные, подействовав в особо чувствительный период, оказываются очень стойкими, подсознательно действующими в последующей жизни. В дальнейшем факторы, возбудившие такие ранее создавшиеся жизнеопределяющие впечатления, мы будем называть **импрессингами**, а их характер будет разъяснен конкретными примерами.

Что касается индивидуальных дарований, то их разнообразие так велико, они столь независимо наследуются, что в силу генетической рекомбинации почти каждому человеку достается в удел какой-то набор способностей, будь то самые различные виды слуховой и зрительной восприимчивости, слуховой и зрительной памяти, комбинаторные способности, лингвистические, математические, художественные дарования. Относительно малая доля людей оказывается вовсе обойденной ими, а решающее значение приобретает **наличие или отсутствие стимула для развития и реализации индивидуального набора дарований**. Отсюда следует и решающее значение социальных условий для реализации. Среди этих условий одним из важнейших, притом действующим в значительной мере посредством импрессингов, является **социальная преемственность, избирательно воспринимаемая, а также общественная потребность, социальный спрос, социальный заказ на выдающиеся достижения**.

Но, как будет показано дальше, наличие этих четырех факторов, в первую очередь определяемых социумом, является, по-видимому, почти необходимым, но далеко не достаточным условием. Все четыре условия имеются у всевозрастающего количества людей, тогда как гениальность всегда единична, совершенно индивидуальна и неповторима. Из чего вовсе не следует, что гениальность непостижима. Но любая попытка, обращенная к проблеме гениальности с естественнонаучной точки зрения, почти автоматически вызывает знакомые ярлыки: "гений и толпа", "вождь и массы", "механизм", "биологизаторство" и прочие ассоциированные термины. Однако гении и гениальность существуют, реализовавшиеся гении, не только технические или научные, но и гуманитарные, художественные, композиторские, литературные, давали и дают неизмеримо много. И в период, когда человечество начинает задыхаться под грудой проблем, отказываться от аналитического подхода к явлению гения и гениальности уже не следует.

Постановка задачи и определение гениальности

Признавая примат социума, можно ли признать существование биологических, внутренних факторов гениальности? Можно ли допустить, что какие-то факторы встречаются среди гениев много чаще, чем среди всего населения? Мы решаемся утверждать, что на этот вопрос можно ответить только путем непосредственного изучения фактических данных, то есть самих гениев и их личностных особенностей. <...> Нужна статистика, а не просто справка о том, что такие-то гении обладали такой-то, в общем,

редкой особенностью. Нужно показать, что данный фактор не случайно, а именно каузально связан с огромным творческим подъемом и размахом деятельности.

Но размах деятельности сплошь и рядом определяется такими социальными факторами, как родовитость, богатство, социальная преемственность. Следовательно, нужно каждый раз, рассматривая гениальную или необычайно творческую личность, выяснять, представляется ли она таковой именно в силу личностных качеств, высокой личной инициативы, а не только в силу случайно унаследованного высокого социального положения и могущества. <...>

Нельзя ограничиться каким-либо одним историческим периодом, одной страной. <...> Единственный выход - это написать нечто вроде той всеобщей истории, на фоне которой во все эпохи, во всех странах, по крайней мере европейских, действуют рассматриваемые нами гении. Основное место мы уделим доказательствам наличия у гения той или иной из рассматриваемых далее биологических особенностей.

Но что такое гений?

Если признать гениями только тех, кто почти единогласно признан ими в Европе и Северной Америке, **то общее число их за все время существования нашей цивилизации едва ли превысит 400 – 500 (т.е. столько жгучих потребностей решить проблему возникало пока еще у человечества, гений попадал на эту генеральную линию развития в нужный момент)**. Примерно к таким цифрам приводит отбор знаменитостей, которым уделено максимальное место в энциклопедиях разных стран Европы и США, если из числа этих знаменитостей вычесть тех, кто попал в их число из-за знатности или по другим случайным "заслугам". Но если отграничение гениев от талантов останется спорным, то с особенно большими трудностями сталкиваются при определении самого понятия "гений".

По Бюффону, гениальность заключается в необычайной мере выдержки. Уордсворт определил гениальность как акт обогащения интеллектуального мира каким-то новым элементом. Гете утверждал, что исходной и завершающей особенностью гения является любовь к истине и стремление к ней. По Шопенгауэру, сутью гения является способность видеть общее в частном и беспрестанно влекущее вперед изучение фактов, чувство подлинно важного. По Карлейлю, гениальность -это прежде всего необычайная способность преодолевать трудности. По Рамон-и-Кахалю - это способность в период созревания идеи к полному игнорированию всего, не относящегося к поднятой проблеме, и доходящая до транса способность к концентрации. По В. Оствальду - это самостоятельность мышления, способность наблюдать факты и извлекать из них правильные выводы. По Льюкка: "Если оценивать продуктивность объективно, а именно как превращение налично существующего в ценность, как превращение временного в вечное, то гениальность идентична наивысшей продуктивности, а гений - продуктивен непрерывно, потому что именно творчество является его сущностью, именно превращение слова в дело"[1]. <...>

По оксфордскому словарю гений - это "природная интеллектуальная сила необычайно высокого типа, исключительная способность к творчеству, требующему воображения, оригинального мышления, изобретения или открытия. <...>

Термин "гениальность" употребляется как для обозначения способности человека к творчеству, так и для оценки результатов его деятельности, предполагая врожденную способность к продуктивной деятельности в той или иной области; гений, в отличие от

таланта, представляет собой не просто высшую степень одаренности, а связан с созданием качественно новых творений. Деятельность гения реализуется в определенном историческом контексте жизни человеческого общества, из которой гений черпает материал для своего творчества". <...> Четко разграничивает гении и таланты формула: "Гений делает то, что должен, талант - то, что может". Формула подразумевает подвластность гения той задаче, которую ставит перед ним его внутренняя сущность, его подчиненность своему творчеству, неизбежность напряжения им всех своих сил для достижения поставленной цели, для решения поставленной задачи. <...>

Характерологически гении неисчерпаемо разнообразны. <...>

Существует особый вид практической, абсолютно реалистической, чуждой абстрактности гениальности, идущей нога в ногу с потребностями времени, не уходящей от них вперед.

Дельбрюк приводит характерный ответ О. Кромвеля: "Я могу Вам сказать, чего я не хочу, но никак не могу сказать, чего я хочу, потому что это я буду знать только тогда, когда это станет необходимым" [2].

Мысли Гогена: "Когда я пишу солнце, я хочу, чтобы зрители почувствовали, что оно вращается с ужасающей быстротой, излучает свет и жаркие волны колоссальной мощи! Когда я пишу поле пшеницы, я хочу, чтобы люди ощутили, как каждый атом в ее колосьях стремится наружу, хочет дать новый побег, раскрыться. Когда я пишу яблоко, мне нужно, чтобы зритель почувствовал, как под его кожурой бродит и стучится сок, как из его сердцевины хочет вырваться и найти себе почву семя" [3]. <...>

Лаплас признавался, что всякий раз, когда он начинал фразу словом "очевидно", за этим словом в действительности скрывался предварительно проделанный многочасовой упорный труд. Физики и математики тратили месяцы труда на разбор действий, необходимых, чтобы вывести последовательно те 8-10 формул, которые Эйнштейн соединил своими "отсюда следует".

Иначе говоря, основной особенностью гения действительно оказывается способность к невероятному труду, абсолютная одержимость и стремление к абсолютному совершенству. Но в чем же загадка появления гения?

Частота гениев потенциальных, развившихся и реализовавшихся

Необходимо подчеркнуть две пропасти, лежащие между:

1. гениями и замечательными талантами потенциальными, рождающимися, и гениями развивающимися;
2. гениями развившимися - и гениями реализовавшимися.

Гении и замечательные таланты почти всегда появлялись вспышками, группами, но именно в те периоды, когда им представлялись оптимальные возможности развития и реализации. Одной из таких оптимальных эпох был век <...> **Перикла, у которого за столом собирались гении мирового ранга: Анаксагор, Зенон, Протагор, Софокл, Сократ, Фидий - почти все коренные граждане Афин, выделенные из ее свободного населения, едва ли из 50 000 граждан.** <...>

Если принять во внимание, что творчество музыкальных гениев древних Афин не дошло до нас, что гении естественнонаучные, математические и технические не могли ни

развиться, ни реализоваться, что почитались полководцы, политики, ораторы, драматурги, философы и скульпторы, только на них был социальный заказ, то ясно, что в эту эпоху в Афинах могла развиваться и реализоваться едва ли пятая доля свободнорожденных потенциальных гениев.

В Афинах вовсе не собирались величайшие умы эллинского мира. Афинское гражданство давалось нелегко - только уроженцам города, а дети от брака афинянина с неафинянкой не считались гражданами Афин. Почти все названные выше гении сформировались на месте, в результате социальной преемственности, общения друг с другом, благодаря тому, что понимание и "спрос" их творчество встречало не только в кругу ценителей, но и со стороны народа. Но никакие генетические данные не позволяют думать, что афиняне наследственно превосходили окружающие их современные народы. Секрет весь заключался именно в стимулирующей среде. А если это однажды произошло, следовательно, воспроизводимо и, более того, в десятки раз чаще, потому что в сотни раз шире спектр дарований, которые требуются обществу.

Имеется немало других примеров, когда весьма малочисленная прослойка, имевшая, однако, возможности развития и реализации своих дарований, точнее, так или иначе узурпировавшая эти максимальные возможности, выделяла относительно много исключительно одаренных людей. Так произошло в Англии в эпоху Елизаветы, когда быстро выделилось множество талантливейших людей, начиная с династии Сесилей-Берлей и Бекон, кончая Дроком, Радеем, Уольсингемом, Марлоу и Шекспиром. Так было во Франции в период энциклопедистов, революции и наполеоновских войн. Так было с дворянским (даже лицейским) периодом русской литературы. Так было с барбизонской школой живописи, с прерафаэлитами, с передвижниками, с абрамцевской группой, с "могучей кучкой", с русскими академиками конца XIX - начала XX века. <...> В случае итальянского Ренессанса просто невозможно дать сколько-нибудь обоснованное представление о численности тех слоев населения, из которых выходили художники, поэты, гуманисты, выдающиеся римские кондотьеры. Но в истории, вероятно, трудно найти такую эпоху взламывания кастовых, классовых и иных ограничений, которая не сопровождалась бы появлением множества талантливейших людей в самых разных областях. В промежутках между такими освобождающими путями развития и реализации социальными сдвигами то тут, то там возникают микроноосферы с критическими массами. <...>

Как часто потенциальный гений оказывался неспособным реализовать себя? В одном из рассказов Марка Твена ("бродячий" сюжет, имеется и у О'Генри) некто, попавший в загробный мир, просит указать ему величайшего полководца всех времен и народов. В показанном ему он с возмущением узнает умершего сапожника, жившего на соседней улице. Но все правильно, сапожник действительно был величайшим военным гением, но ему не довелось командовать даже ротой. А великие победители мировой истории были, по "гамбургскому счету", по подлинной иерархии, не особенно замечательными.

Насколько мощен барьер социальных преград рассказывал, например, Эндикс[4]. В XIX веке австрийскому правительству предлагали свои замечательные изобретения многие выдающиеся техники. Все они не были пущены в дело - ни автомобиль с электромагнитным зажиганием и четырехтактным мотором, ни первая швейная машина, ни первая печатная машинка (сделанная, правда, не из металла, а из дерева), ни велосипед, ни подводная лодка, ни паровой винт. Но, пожалуй, всего разительнее история ружья, заряжаемого не через дуло, а посредством затвора. Очередной высококомпетентный гофкригсрат отклонил изобретение, потому что

вооруженные таким ружьем солдаты будут слишком быстро расстреливать патроны.

Отвергнутое Австрией изобретение приняла Пруссия, а австрийской армии во время австро-прусской войны против Дании (1864), наглядно убедившейся в быстроте прусской стрельбы, пришлось расплачиваться в 1866 г., когда австрийская армия была наголову разбита. Так из-за глупости "эксперта" могущественная австрийская монархия была побеждена, вынуждена была уступить руководство всей Германией Пруссии. Но глупцы оказываются экспертами и вершителями судеб не совсем случайно, а социально закономерно.

Гении были и есть, но Вена ценила гениев музыкальных, технические гении и изобретатели были, но не ценились. **Вена стала музыкальной столицей мира, но Австрия - технически отсталой страной.** Чудеса германской и англо-американской промышленности второй половины XIX и начала XX веков объясняются массовым развитием технических училищ, неутомимым, настойчивым спросом, высокой престижностью изобретений. <...>

Немногие, но яркие результаты глупости или бессилия позволяют методом контрастов подчеркнуть социальное значение негативного или позитивного личностного фактора. За каждым неверным, неполноценным решением крупного вопроса или проблемы, за каждым отсутствующим решением срочной дилеммы стоит конкретная личность. Более того, совершенная глупость или совершенная ошибка указывает на существование какого-то недоразвившегося, недореализовавшегося таланта, гения, решительного человека дела, которому не дано было выправить положение, в силу ли "закона Паркинсона", либо "принципа Питера", а чаще всего из-за того, что и на гораздо более низких уровнях, у рычага, у "кнопки", оказались некомпетентные личности.

Частота зарождения потенциальных гениев и замечательных талантов почти одинакова у всех народностей и народов; частота зарождения, исходя из реализации в благоприятные исторические периоды, а главное, в оптимальных прослойках, вероятно, определяется цифрой порядка 1:2000 - 1:10000. Частота потенциальных гениев, развившихся и реализовавшихся настолько, чтобы получить высокую оценку, вероятно, исчисляется цифрами порядка 1:1 000 000. Частота же гениев, реализовавшихся до уровня признания их творений или деяний гениальными, даже в век почти поголовного среднего и очень часто высшего образования, вероятно, исчисляется цифрой 1:10 000 000, что предполагает наличие в середине XX века приблизительно сотни гениев на 1 000 000 000 жителей цивилизованного и не страдающего от всеподавляющей нужды населения таких стран, как Япония, СССР, США, Канада, Австралия и страны юго- -восточной, центральной и западной Европы.

Эти, разумеется, чрезвычайно приблизительные цифры определяются частотой появления подлинных гениев в Афинах Перикла, в век Елизаветы, в ориентированных на военнополитическую инициативу аристократических родах Англии, **в ориентированных на литературно-поэтическое творчество родах русской аристократии и т.д.** Существенны приблизительные порядки потерь; существенно, что даже небольшая страна, например, с пятью миллионами жителей, но добившаяся развития и реализации 10% своих потенциальных гениев и талантов, за полвека развития оставит позади в 100 раз более населенную страну, которая сохранит в силе барьеры для развития и реализации своих потенциальных гениев. <...>

Г. Селье:

"для непосвященного имеется много общего между блестящими и сумасшедшими умами. Но важно рано распознать многообещающего фундаментального исследователя, тогда, когда он нуждается в поддержке для развития своих особых дарований. **Культура, здоровье и мощь нации зависят прежде всего от ее творческих фундаментальных исследователей, от яйцеголовых. Точно так же, как каменный век, бронзовый век и железный век характеризовались употреблением камня, бронзы и железа, так и наш век, несомненно, войдет в историю как век фундаментальных исследований**" [5].

Но, может быть, гений не так уж нужен? Много ли подлинных гениев понадобилось Японии, чтобы за 30-40 лет промчаться из средневековья в науку и культуру XX века? Китацато, адмирал Того, еще 10 - 20 имен. Нужны ли гении (кроме политических) для того, чтобы бывшим колониальным странам подняться до уровня передовых: ликвидировать голод, нищету, перенаселенность? Если не надо прокладывать новые пути в науке и технике, медицине, сельском хозяйстве, а только перенимать готовое, импортировать и копировать, всегда отставая на десяток лет? Но можно ли в эпоху стремительного развития получать открытия и технику из вторых рук? Что делать с междисциплинарными белыми пятнами, со все усложняющейся техникой, с внутригосударственными трудностями, с конфликтующими идеями?

Практичные янки ответили на полеты советских спутников не только развитием своей космонавтики, но и тем, что "поставили на конвейер" отыскание (посредством разработанных за 80 лет тестов) и максимальное развитие 35 000 одареннейших старшеклассников ежегодно, ассигнуя около 1,5 миллиарда долларов ежегодно на помощь им и тем колледжам, которые они избирают, и, по существу, совершенно неисчислимы суммы на их быстрое выдвижение по всем направлениям и иерархиям, соответствующим их дарованиям. <...>

При помощи первоначального теста из 600 000 более перспективных старшеклассников отбирается 35 000 наиболее даровитых, т.е. 3% от общего числа ежегодно кончающих школу. 10 000 наилучших обеспечиваются стипендиями для прохождения высшего учебного заведения, тогда как 25 000 "полуфиналистов" получают дипломы, обеспечивающие получение займа для прохождения высшего учебного заведения. Избранные финалистами колледжи получают особые "гранты".

Дункан утверждает: "Ввиду слабой связи между КИ (КИ или IQ - коэффициент интеллекта, итоговый показатель тестирования) и социальным классом в США, по - видимому, одной из самых конструктивных функций измерения способностей при помощи теста интеллекта является то, что **оно служит как бы своеобразным трамплином, подбрасывающим многих людей к достижениям, поднимая существенно над их "прирожденным" социальным классом, и в обществе, ориентированном на достижения, КИ является важнейшей мерой, предупреждающей затвердение классов в касты**" [6].

Конечно, на тестовых показателях сильно сказываются начитанность, интеллектуальные навыки, привычка к решению задач вообще, развитие мышления, словом, тесты измеряют не генотип, а фенотип, и оставляют "за бортом" потомство очень обездоленных классов и национальных меньшинств, а также тех, чьему умственному развитию в детстве не уделялось достаточного внимания. Однако тесты, вероятно, "экстрагируют" даровитых юных людей не менее как из 70% старшеклассников школ США и **устраняют с их последующего пути почти все препятствия как для развития, так и для реализации индивидуального дарования.**

Значение именно ранних воздействий, развивающих интеллект, ясно и из работы Бергинса [7], который показывает, что 20% будущего интеллекта приобретается к концу 1-го года жизни, 50% - к 4-м годам, 80% - к 8 годам, 92% - до 13 лет. Очевидно, что уже в этом возрасте может быть достигнута высокая предсказуемость "потолка" будущих достижений.

Чрезвычайно существенно, что это происходит достаточно рано, потому что, например, практика присуждения Нобелевских премий показала: основополагающее открытие, предшествующее награждаемому, обычно приходится на 25 - 30-летний возраст.

По Местелю, нобелевские лауреаты по естественным наукам за 1901 - 1962 гг. сделали свое открытие, впоследствии удостоенное Нобелевской премии, в среднем в возрасте 37 лет, и этот возраст почти не менялся от десятилетия к десятилетию: возраст оказался несколько меньшим у физиков (35,1) и химиков (37,3), несколько больше у медиков и физиологов (39,6) [8]. Но обычно фундаментальному открытию, которое награждается лауреатством, предшествует какое-либо ранее сделанное, менее яркое, но методически чрезвычайно важное. <...>

В ходе изучения прогностической ценности тестов интеллекта выяснилась вечная истина. Начиная с коэффициента интеллекта 110 - 120, т.е. при отсутствии выраженных дефектов в наборе основных способностей индивида, последующая "отдача", в форме любых достижений, не очень-то сильно коррелирует с дальнейшим возрастанием коэффициента интеллекта, а на первый план выступает характеристическая особенность - способность к все более и более полному увлечению своим делом, не столь уж редкая беззаветная, абсолютная, дальше заставляющая фанатически-концентрированно, неотступно, заниматься избранным делом, будь то конструирование аппарата, прибора, усовершенствование существующего, какое-то новшество, какая-то проблема, поэма, скульптура, картина, литературное или музыкальное произведение.

Конечно, эта полная самомотивация может вылиться в подлинное творчество только тогда, когда базируется на соответствующем арсенале дарований, профессиональных знаний, умений и навыков. Но если к этому арсеналу не добавляется безграничная увлеченность, заставляющая работать на дело даже подсознательно, то и очень высокий коэффициент интеллекта не приведет к большим достижениям. Особого внимания заслуживают четыре фактора:

1. Тестирование довольно точно подсказывает протестированному, где, в каких областях он может себя максимально реализовать.
2. Тестирование извлекает почти из всех слоев общества не слишком обделенную в детстве и в подростковом возрасте молодежь, действительно даровитую, и открывает ей возможность получения высшего образования и быстрого последующего роста.
3. В норме показатели тестируемого интеллекта варьируют от 10 до 160, и даже охватывая самый верхний, потолочный, "гениальный" уровень способностей, до единичных 180 - 200. Таким образом, наивысший предел даровитости только вдвое превышает средние показатели. Между тем, гении, в том числе и творящие индивидуально художники, композиторы, писатели, ученые или изобретатели создают во много тысяч раз ббльшие ценности, чем обычные люди с тем же уровнем образования и той же профессией. Менее наглядно-показательно этот коэффициент распространяется на выдающихся руководителей коллективов - Эдисона, Королева, Курчатова, Келдыша, Туполева и других.

4. Начиная с IQ 110 - 120 (т.е. при отсутствии выраженных дефектов в каких-либо функциях общего интеллекта), основным источником творческих достижений оказывается способность к абсолютной увлеченности своим делом. Только при этом задаче посвящаются все мысли, только тогда поэт отыскивает единственные слова, мыслитель - единственно важную мысль из тысяч, только тогда возможно "озарение", часто идущее из подсознания.
<...>

Следовательно, решающую роль в колоссально повышенной творческой отдаче играет вовсе не сверхнормальное дарование, а повышенное стремление к реализации имеющегося, очень сильная установка, ведущая к непрерывным поискам самого себя.

Гении нередко долго не находят ту область, в которой они наиболее одарены. Мольер, весьма посредственный драматург и драматический артист, сравнительно поздно становится автором гениальных комедий и переходит на комические роли. Неплохим примером того, как человек именно методом проб и ошибок добирается до своего истинного призвания, может послужить Жан Жак Руссо. Образованнейший, начитаннейший, болезненно самолюбивый, без малого помешанный на справедливости, он десятилетие с лишним пишет оперы - "Галантные музы", "Нарцисс", "Военнопленные", "Письма о французской музыке", пишет и стихи, причем все это на хорошем профессиональном уровне (хотя, кажется, его оперы ни при нем, ни посмертно никогда не ставились). К своим неудачам на музыкальном поприще он относился серьезно, даже трагически, и только немолодым он, наконец, пишет то, что делает его имя бессмертным, а влияние - огромным. Г.Х. Андерсен пробует множество ложных путей, прежде чем становится величайшим сказочником.

Бальзак пишет среднекачественные драмы, прежде чем приходит к "Человеческой комедии".

А.Н. Толстой, обладающий даром необычайно зримо, пластического, ярчайшего описания событий, мечтал о глубинном психологическом анализе подспытного, о продолжении линии Достоевского, свидетельством чему является "Хромой барин".

Но во всех случаях гений - это прежде всего экстремальное напряжение индивидуально свойственных дарований, это величайший, непрекращающийся труд, рассчитанный на века, вопреки непризнанию, безразличию, презрению, нищете, которых вдоволь вкусили Рембрандт, Фультон, Бетховен и т.д.

"Гуляка праздный" Моцарт на самом деле не знал, что такое отдых, работал бешено, но создав в уме музыкальное произведение (он их оставил более 650!), записывать созданное он мог и болтая с друзьями, откуда легенда о легкости его творчества. Он материально процветал только благодаря своему "импрессарио", своему отцу, талантливейшему скрипачу, но как только отец умер, Моцарт, именно благодаря своей творческой одержимости, быстро дошел до нищеты, до неотопливаемой комнаты, до недоедания. И все же за сутки до смерти он прослушал с друзьями свой "Реквием" и мысленно жил своей прошедшей в Праге оперой.

Все это только частные иллюстрации свойственной гениям способности к экстремальной самомотивации, исключительной творческой целеустремленности, которая у многих, по IQ вероятно, не менее одаренных, расходуется на добывание мелких благ, карьерных достижений, престижности, почестей, денег, удовлетворения инстинкта господства или

просто распыляется на бессмысленные трудности либо соблазны, которыми жизнь всегда была достаточно богата.

Общественная ценность реализовавшегося гения

Разумеется, нельзя в звонкой монете оценить, что дали миру Моцарт, Бетховен, Шекспир или Пушкин. Невозможно оценить в каких-то материальных единицах то, что дали гениальные композиторы, драматурги, поэты, невозможно оценить и вклад крупного, эпохального типа изобретателя, будь то Фултон или Дизель. Впрочем, считают, что своими открытиями Луи Пастер скомпенсировал Франции убытки, понесенные в результате военного разгрома 1870 - 1871 годов. А эти убытки (помимо потерь убитыми и ранеными) составили 10 - 15 млрд франков (только контрибуция 5 млрд). При жизни Дизеля число работающих двигателей внутреннего сгорания исчислялось сотнями. Но вклад его в технику - несколько десятков млрд долл.

Можно заметить, что Коперник, Галилей, Кеплер, Ньютон, Эйнштейн открыли то, что и без них открыли бы полувеком позже <...>. Однако анализ истории любого открытия, изобретения или крупного творческого акта показывает, что на долю его признанного автора пришлось совершенно необычайные, непреодолимые героические труды, сразу продвинувшие человечество на десятилетия. И если мы условно примем, что гуманитарные ценности, в силу ли своего облагораживающего влияния на человечество, в силу ли объединения его вокруг общих ценностей, в силу ли создания идеалов эквивалентны по ценности естественнонаучным, а эти последние - техническим, то это даст возможность перейти к условной, "рыночной" оценке гениев самой разной направленности. <...>

Мы должны исходить из того, что 1000 с небольшим патентов Эдисона принесли США несколько млрд долл. прибыли, что сульфамиды, антибиотики и вакцины спасли сотни млн людей, короткостебельные сорта подняли урожайность зерновых культур на десятки процентов. Вряд ли гении - гуманитарии были менее ценны для человечества, чем гении - изобретатели или гении - ученые, в таком случае каждый реализовавшийся гений приносит человечеству миллиардные ценности.

Можно объявить, что искусство, как и гуманитарные науки, не нужны и не имеют никакой материальной ценности, что научные открытия, не дающие немедленного выхода в практику, тоже не имеют материальной ценности, что большая часть технического прогресса - результат коллективного творчества, роль индивидуальных гениев в прошлом преувеличивалась, а теперь быстро падает, но как бы умело ни складывали фактические данные, как гармошку, в минимальный объем, за гениями недавнего прошлого остаются гигантские заслуги. С возрастанием объема знаний, навыков, умений, информации, обладая которыми можно рассчитывать на продвижение вперед, роль гениальности, естественно, должна возрастать.

Но величайшая одаренность, даже при наличии внутреннего импульса, отнюдь не гарантирует "отдачу". Изучение биографий и патографий гениев всех времен и народов приводит к неумолимому выводу: гениями рождаются. Однако только ничтожно малая доля народившихся потенциальных гениев в гениев развивается. А из подлинных, несомненных гениев лишь ничтожная доля реализуется.

Как покажет далее рассмотрение механизмов гениальности, зарождение потенциального гения - прежде всего проблема биологическая, даже генетическая. Развитие гения - проблема биосоциальная. Реализация гения - проблема социобиологическая.

Сказанное приводит, на первый взгляд, к пессимистическим выводам. Раз потенциальная гениальность отсутствует - делать нечего, великого не будет. Но есть и обратная сторона медали: не генетические, а биосоциальные и социобиологические тормоза приводят к тому, что реализуется лишь один гений из десятка тысяч потенциальных. Неоспоримо как наличие в истории территориальных вспышек гениальности, так и существование столетиями и тысячелетиями сотен народов, не давших человечеству ни одного подлинно гениального открытия. Потенциальные гении в этих народах, конечно, появлялись множеством раз. Но они не имели условий для развития и реализации. Тем очевиднее необходимость выяснения того, каковы механизмы гениальности, каковы те условия, в которых развивались гении мировой истории и культуры, как они реализовали свой гений и как этот гений отразился на истории и культуре. <...>

Социальные и информационные кризисы как факторы, повышающие значение исключительной одаренности

<...> Современное состояние науки и техники характеризуется, возможно, больше всего информационным кризисом, который складывается из:

1. Наличия непереваженного, не уложенного в какие-либо рамки старых теорий и систем избытка фактических данных.
2. Огромных междисциплинарных "белых пятен".
3. Существования неприступных для нормально подготовленных специалистов "китайских стен", разделяющих различные науки и различные области техники. Эти стены создаются труднодоступными методиками, терминологией, спецификой языка и мышления.
4. Осознания того, что именно стыки наук, междисциплинарные области - наиболее отдаленны и в первую очередь требуют разработки.
5. Исключительной трудности междисциплинарных исследований, так как объединение лиц разных специальностей, как правило, не может компенсировать отсутствие специалиста, одновременно владеющего двумя совершенно разными дисциплинами, при сближении которых только и может загореться вольтова дуга, освещающая мрак неведомого.

Эта вершина достижений опасно близко лежит к возрасту получения высшего образования и специализации.

Если обратиться к истории науки, то нетрудно убедиться, что фундаментальные проблемы поразительно часто решались в результате блестящей идеи, родившейся в мозгу одного человека или, может быть, реже в коллективе, слитом в единое целое напряженным творческим порывом, группой исключительно даровитых людей, с умами взволнованными и напряженными, объединенными общей целью и беззаветным руководителем. Сказанное в равной мере относится к науке и технике, где поставленная задача давным давно решена природой, как в этом (на примере действия сульфамидов, антибиотиков, наследственного и приобретенного иммунитета) постоянно убеждаются врачи, фармакологи и иммунологи, (а на радаре летучих мышей, на быстроте дельфинов) - инженеры, физики, математики.

Почти каждый успешный перенос принципов одной науки в другую сопровождается крупным рывком вперед. Но для такого переноса, помимо большой и притом нетрафаретной эрудиции, требуется одержимость идеей и готовность идти на риск провала многолетней работы. Качественная особенность реализовавшего себя гения или

подлинного высшего таланта заключается в том, что он творит нечто совершенно новое, будь то наука, техника или искусство.

Между тем, научно-техническая революция налагает на науку, технику, искусство гигантские задачи, качественно отличные от прошлых времен, так как слабое звено грозит гибелью уже не какому-либо племени, народу или государству, а всему человечеству. Взаимосвязь, усложнение науки ведут к тому, что мир может погибнуть не только если растеряется, взбунтуется, оплошает человек у кнопки ракеты с атомной боеголовкой или в самолете, несущем "на всякий случай" водородную бомбу, но и человек у пульта управления любого самого мелкого государства, в любой лаборатории, занятой, например, микробной генетической инженерией, изобретением боевых газов или лучей; вред может нанести ошибка в финансировании, планировании, прогнозировании.

Наполеон сказал, что ум и воля полководца должны равняться друг другу, как две стороны квадрата. В XX веке двумерность оказалась недостаточной. Грандиозные беды произошли не только потому, что ум оказался сильнее воли или воля оказалась сильнее ума и даже простого здравого смысла, но прежде всего из-за отсутствия третьего параметра - этического. Научно-техническая революция означает резкое возрастание личной ответственности, и в ее ходе должны массово создаваться люди, отличающиеся очень высокими показателями не только ума, воли, но и этики.

Угрозам, стоящим перед человечеством, должны противостоять не только наука и техника, но и литература и искусство, поэтому обостряется потребность и в гениях гуманитарного профиля.

Человечеству предстоит уложить гигантские наборы фактов, данных, в краткие, емкие законы, притом не в одной, а в тысячах областей знаний, перевести эти законы в технические и прикладные достижения, в великие подвиги междисциплинарных открытий, закрыть бесчисленные "белые пятна". Предстоит подвиг объединения науки, искусства и этических установок в единое целое.

Но необходимо сразу же развеять те неоправданные страхи, которые сознательно, подсознательно, инстинктивно и даже автоматически возникают, как только речь заходит о гениальности, даровитости, да еще и об их наследственных механизмах.

Куда денется равноправие? Приходится помянуть Добжанского: "Люди вовсе не должны быть однойцевыми близнецами, чтобы пользоваться равноправием". Сразу заметим, что в прошлом реализовалось, вероятно, менее одной тысячной нарождавшихся гениев, даже если брать только ненуждавшиеся семьи, способные предоставить хотя бы своим первенцам достаточное образование и благоприятную площадку для старта.

Теперь то, что доставалось единицам, стало доступно миллионам и надо лишь снять вредные барьеры, о которых речь пойдет дальше. Существование 35 - 40 тыс. специальностей сегодня может предъявить спрос на такие виды дарований и их комбинации, которые ни в Элладе, ни в Англии XIX века, ни среди высшей интеллигенции России на рубеже XIX - XX веков не могли бы найти никакого достойного применения. Если демократизация возможностей не привела к пропорциональному возрастанию числа гениев и талантов, то причина - всеобщие недостатки воспитания, образования, отбора и выдвижения.

Можно полагать, что при развитии уже существующих специальностей (а тем более будущих) и междисциплинарных областей деятельности без необычайно одаренных

людей обойтись будет трудно. Ноосфера, единая система обмена идеями уже как таковая поглотит бесчисленных гениальных организаторов, менеджеров, педагогов, аналитиков, синтетиков. <...>

Решающая роль детско-подростковых условий развития в определении ценностных критериев, установок, устремленности и самомотивации

а) значение детского и подросткового периода

Огромное значение раннедетских и детских условий развития для будущего интеллекта количественно оценил Блум [9]. По его данным оптимизация условий интеллектуального развития в возрасте до 4-х лет повышает будущий КИ (коэффициент интеллекта, IQ) на 10 единиц, оптимизация в возрасте 4 - 9-ти лет на 6 единиц, в 8 - 12 лет на 4 единицы. Соответственно пренебрежение интеллектуальным развитием ребенка, особенно в возрасте до 4-х лет, резко ухудшает будущий интеллект. Именно в этом раннедетском возрасте постоянное общение с ласковой матерью закладывает основы социальности, контактности, доброты. Хорошо ухоженные, хорошо упитанные дети, но лишенные в этом критическом возрасте ласки, нежности, внимания, если не заболевают синдромом "заброшенности", то вырастают безжалостными эгоистами, неспособными к социальным контактам.

Психоанализ, биология и генетика сходятся теперь в понимании того, что и творческие способности индивида зависят от условий, в которых он провел свои первые годы жизни. Шансы, представленные или отнятые в это время, определяют его последующую способность к образованию. <...>

Биографии великих людей содержат множество прямых и косвенных указаний на решающую роль избирательно воспринятых детско-подростковых впечатлений <...> Странные, неожиданные вопросы маленьких детей, еще не затурканных своими вечно занятыми родителями и воспитательницами, при продумывании показывают, что дети не только талантливые лингвисты, но и надоедливейшие почемучки, экспериментаторы, ориентированные на творчество. Но к тому времени, когда они в нормальном порядке превзойдут науки и накопят умения, их любознательность, как правило, исчезает. Отчасти потому, что их стремления к познанию и умению разбиваются не только о занятость взрослых, но и о собственную неперемнную бездарность в большинстве тех занятий, в которые они вовлекаются броуновским движением естественной потребности к самопроявлению. Ребенок, начинающий напевать при отсутствии музыкальности, рисующий при цветовой бездарности, неуклюже бегающий наперегонки или танцующий, спорящий с гораздо более языкатым дразнилкой, плохо заучивающий иностранный язык, обретает комплекс неполноценности, который мешает ему обнаружить в себе незаурядный математический, конструкторский, поэтический или любой другой талант.

Между тем, естественный отбор, творя человечество, неустанно работал, чтобы развить "исследовательский инстинкт", любопытство, любознательность, впечатляемость и обучаемость именно в детском и подростково-юношеском возрасте, точно так же, как он работает над развитием и сохранением памяти об этом познавательном периоде у стариков, бывших главных передатчиков социально-преемственной эстафеты от одного поколения к другому (во всяком случае до периода грамотности). Но требуется либо известная гибкость, либо стойкость, чтобы сохранить в себе те черты, с которыми связаны творческие способности. Можем назвать их исследовательским инстинктом, любопытством, любознательностью, но эти явления в высшей степени возрастные.

Обучаемость, как типично возрастное явление, необычайно быстрый рост знаний в детско-подростковом возрасте созданы грандиозными силами естественного отбора. О том, какими изумительными способностями обладает именно маленький ребенок, хорошо известно.

К сожалению, раннедетский, детский и подростковый период в биографиях гениев по большей части остается малоосвещенным, попросту неизвестным. Но там, где этот период освещен, почти неизменно оказывалось, что именно этот возраст проходил в условиях, исключительно благоприятных для развития данного гения. Причем, речь идет в гораздо большей мере об интеллектуальной, чем об экономической обстановке. <...>

Социальную преемственность, налагающуюся на несомненную наследственную гениальность, редко удается проследить. Но во всех решительно случаях, когда детство, отрочество и юность гения известны, оказывается, что так или иначе его окружала среда, оптимально благоприятствовавшая развитию его гения, отчасти и потому, что гений все же сумел ее выбрать, найти, создать. <...> Необычайно талантливый, деловитый, знающий и работоспособный В. Суворов, видя, что его сын мал и хил, решает, что военная служба для него не годится. Но своими застольными рассказами он настолько воодушевил сына любовью к военному делу, что тот начинает поглощать все книги о войне из большой библиотеки отца. Случайно заговоривший с ним "арап" Ганнибал убеждается в столь глубоких знаниях мальчика, что уговаривает отца дать возможность сыну стать военным, несмотря на уже упущенные 13 лет фиктивной "стажировки".

К счастью, в этом случае мы твердо знаем, что обязаны Ганнибалу в какой-то мере появлением не только А.С. Пушкина, но и другого гения - А.В. Суворова. Но сколько таких обстоятельств от нас скрыто? Поскольку у огромного большинства людей детство проходит в условиях, не оптимальных для развития индивидуальных дарований, то человечество на этом теряет огромное количество гениев потенциальных, но не развившихся из-за несоответствия социальной среды и их дарований.

Но если оптимум и создан, если воспитание, самовоспитание или внутренний зов и повели в юности или в молодости не только к максимальному развитию индивидуального дарования, но и к соответствующим ему ценностным критериям, то дальше возникает чудовищный барьер невозможности реализации <...>

Ряд исследователей обнаружил, что первенец достигает значительно большего, чем последующие дети, отчасти в силу получения более высокого образования, большего внимания и "спроса" со стороны родителей, большего чувства их ответственности [10]. Но первенец генетически никаких преимуществ перед своими братьями не имеет, все дело в воспитательных и средовых факторах.

Н. Винер пишет о себе:

"В моем развитии были, однако, некоторые факторы, способствующие успеху в целом и успеху интеллектуальному в частности. Независимость моего отца отражалась как в моей природе, так и в навыках. Его сила не состояла лишь в высоком уровне интеллектуальных способностей, но и в желании подкрепить эту способность тяжелой, непрерывной работой. Я видел, как отец довел себя до изнеможения геркулесовым подвигом перевода двадцати четырех томов Толстого за два года. Он ожидал и от меня того, что требовал от себя, и я никогда не мог удовлетвориться прошлыми достижениями...

Я был одарен действительно ранней зрелостью и ненасытным любопытством, которое меня в очень раннем возрасте привело к напряженному чтению. Таким образом, вопрос о том, что же со мной делать, стал безотлагательным. Я лично видел немало способных умов, ничего не достигших, потому что легкость усвоения защищала их от дисциплины обычной школы, и они ничего не получили взамен нее. Именно эту дисциплину и настойчивую тренировку мне дал отец, может быть, в избыточном количестве. Я выучил алгебру и геометрию так рано, что они стали частью моей личности. Мой латинский, греческий, немецкий, английский стали библиотекой, отпечатанной в памяти. Где бы я ни был, я мог большую часть этого использовать сразу. Эти крупные преимущества я приобрел в возрасте, когда большинство мальчиков учит тривиальное. Таким образом, моя энергия была освобождена для более серьезной работы, в то время как другие учили только азбуку своих профессий" [11]. <...>

"Только безграничное невежество и поверхностность взгляда могут позволить не доглядеть, что младенец представляет собой некую строго определенную индивидуальность, складывающуюся из врожденного темперамента, силы интеллекта, самочувствия и жизненного опыта" [12].

Столетием раньше Бюкли, рассмотрев детско-подростковые биографии 29 замечательных людей, резюмировал: "Великий урок, извлекаемый из изучения биографий подростков, это обучаемость молодежи, ее готовность воспринимать и хорошие и плохие впечатления, а также необходимость таких впечатлений, которые не позволяют природе выразиться в непродуктивном роскошестве, но и не сведут итоги восприятия к банальным условностям и накоплению догматичных, а не интеллектуальных знаний" [13]. <...>

Очевидно существование гигантских резервных возможностей "нормального" человеческого мозга, которые нуждаются в развитии, волевой стимуляции и возможностях, чтобы творить очень талантливые и даже гениальные дела. <...> Бесчисленные примеры показывают, что с какой бы частотой не рождались потенциальные гении (а эта частота по законам популяционной генетики должна быть примерно одинаковой во все времена и у всех наций, потому что естественный отбор на высокий интеллект давно прекратился), их развитие и реализация будут в огромной мере определяться социальными факторами. <...> Что непонятно в такой гениальности для зрителя? Отрешенность. "Боготворя своих любимцев из числа бессмертных, например Моцарта, он в общем-то смотрит на него все еще мещанскими глазами и, совсем как школьный наставник, склонен объяснять совершенство Моцарта лишь его высокой одаренностью специалиста, а не величием его самоотдачи, его готовности к страданиям, его равнодушия к идеалам мещан, не его способностью к тому предельному одиночеству, которое рождает, превращает в ледяной эфир космоса всякую мещанскую атмосферу вокруг того, кто страдает и становится человеком, к одиночеству Гефсиманского сада" [14].

Если зарождение потенциального гения или выдающегося таланта, происходящее во время зачатия, определяется прежде всего генетическими факторами, такой рекомбинацией генов при образовании гамет, которая наделяет оплодотворенное яйцо исключительно благоприятной комбинацией наследственных задатков, то развитие этих дарований определяется в огромной мере социальными факторами, которые преломляются при формировании личности через социобиологические явления импрессинга, через средовые воздействия, особенно сильно формирующие личность. Но результат средового воздействия будет в огромной мере зависеть от возраста и избирательной восприимчивости к такому воздействию.

Если у животных, чье поведение определяется целиком запрограммированными инстинктами, обучение играет второстепенную роль, то у животных обучаемых естественный отбор шел в огромной мере именно на сверхнормальную обучаемость, на обучаемость именно тогда, когда животное еще беспомощно, несамостоятельно. Как только оно станет самостоятельным, обучаться уже некогда: надо добывать пищу, заводить брачных партнеров, класть яйца или кормить детенышей. Но то, что справедливо для всех обучаемых животных, в высшей степени справедливо для человека. <...>

Как бы не были убедительны доказательства предпрограммированности наших внешних, первичных реакций радости, симпатии, дружелюбия, ярости [15], ясно, что они объясняют лишь малую долю того, что мы знаем, любим или ненавидим, говорим, делаем, думаем, чувствуем. Образно выражаясь, эволюция превратила человека в стадийно обучаемое, стадийно импрессируемое существо, а генотипы всех видов высшей нервной деятельности являются, по преимуществу, не "конститутивными", а "индуцируемыми". Ибо именно оптимальный или отрицательный импринтинг побудят ребенка и подростка интересоваться или пренебрегать знаниями, литературой, искусством, привьют этические или антисоциальные установки, в частности, установки, что считать хорошим, что скверным.

Йосселин сформулировал гипотезу о наличии внутреннего стремления и способности любить других: биологическая потребность младенца в матери развивается в потребность быть любимым и любить, становится основой чувства безопасности и доверия [16]. В подтверждение этого приводится, среди прочего, развитие с детства чувства одиночества у чрезвычайно даровитых детей (КИ около 180), которые, очень рано став самостоятельными, научились обходиться без матери, из-за чего у них не развилась ни способность любить, ни чувство привязанности. Атрофия способности любить обнаружилась у детей и в случаях послеродовой депрессии у матерей и при частой смене воспитательниц. Мы позволим себе добавить, что, может быть, таково происхождение некоторых случаев аутизма у высокоодаренных детей.

б) к генетике интеллекта

В какой мере при относительно близких, схожих условиях развития наследуется тестируемый интеллектуальный генотип? Йенсен подытожил данные четырех наиболее крупных исследований, охватывающих 122 пары отдельно воспитанных близнецов [17]. <...> В целом коэффициент корреляции между однояйцевыми близнецами (ОБ) составлял 0,824, а между двуяйцевыми (ДБ) - 0,53; последняя цифра соответствует половинной общности генотипа у ДБ. Исследования проводились в Англии, Дании, США, что гарантирует их типичность. Мюнзингер показал гораздо более высокую корреляцию КИ у детей с биологическим отцом, по сравнению с приемным [18]. Большую роль генотипа в определении КИ показали также Лозлин с соавтором в очень критичном анализе [19].

Конечно, тест на интеллект позволяет оценивать истинный интеллект только в пределах социально однородной группы. На результатах тестов неизбежно и очень сильно сказываются условия развития, длительность школьного обучения, интеллектуальный уровень окружающей среды и т.д., но сходство между ОБ настолько велико, что позволяет отнести значительную долю популяционных вариантов психических особенностей лиц, выросших в схожих условиях воспитания и обучения, на счет генетических факторов. <...>

В своих исследованиях Кавалли-Сфорца предположительно принял, что превышение над средним уровнем интеллекта на 50% обусловлено средой, на 50% наследственностью; это,

вероятно, близко к истине в отношении значительных контингентов, но в индивидуальных случаях на один фактор может приходиться до 100%, а на другой - до 0. Но в общем тесты стали чрезвычайно эффективным методом отбора даровитых. <...>

Возвращаясь, однако, к проблеме внешнего и внутреннего, мы должны заметить, что яростные отрицатели роли наследственных механизмов в коэффициенте интеллекта[20], в гениальности и одаренности, до сих пор не подарили нам ни одного труда, объясняющего, какие именно социальные условия превратили именно данного человека, а не иного, в гения поэзии, музыки, литературы, техники, науки.

Можно ли массово воссоздать те условия воспитания, какие имели Бетховен, Моцарт, Гете, Бэкон, Пушкин для сотен тысяч, миллионов детей? Технически это возможно, но, очевидно, мало эффективно, потому что Пушкин в моцартовских условиях не станет великим поэтом, а Моцарт в пушкинских - великим композитором. Технически можно к десяти годам выявить достаточно полно спектр способностей подростка. Но к этому времени будет упущена стадия формирования увлеченности, стадия формирования ценностных критериев, становления совести, человечности, без которых таланты, даже выдающиеся, могут стать эксплуататорами и душителями чужих дарований, в особенности более крупных. <...>

Именно сознавая, что решающее значение для развития имеют условия воспитания и образования в детско-подростковом периоде, что для реализации гения требуется "спрос", социальный заказ на гениальность именно данного типа, можно, изучая проблему, отчетливо убедиться в роли генетики. Начнем от обратного: примем условно, что никаких наследственных механизмов гениальности не существует. Тогда, поскольку гениальные люди все же существовали и существуют, надо изучать (для последующего воссоздания), что же именно, какая констелляция, комбинация средовых факторов порождает каждую данную, достоверно гениальную личность.

Что бы ни считалось источником, причиной, существом и значением реализованной гениальности, каждая гениальная личность мировой истории и культуры подлежит всестороннему изучению (если только не окажется, что гениальности как таковой вовсе не было, а было какое-то стечение обстоятельств, позволившее той личности, которую считают гениальной, сыграть из ряда вон выходящую роль). Можно смело исключить из рядов гениев тех, кто сыграл очень крупную историческую роль в силу занятого ими места или личной близости к выдающемуся деятелю.

Концентрируя прицельно внимание на факторах гениальности, нужно временно отказаться от параметра "реакционный - прогрессивный", потому что гениальность не исключает реакционности. Нужно временно отказаться от этических критериев, потому что история знает немало злых гениев, оказавшихся на стороне реакции или нанесших большой вред своими попытками навязать истории чрезмерно быстрый ход. <...>

Исторически возникновение мышления, отодвигавшего проблему гениальности на второй - третий план в общественной мысли социалистических стран, вполне понятно. Оно исходило из принципа, что "незаменимых нет". Отпугивала ассоциация: если есть гений, значит есть "гений и толпа". По законам социальной преемственности такая точка зрения получила чрезвычайно широкое распространение, а принцип "от каждого по способности..." утратил свое основополагающее значение, потому что по-настоящему стали развивать только особо престижные способности, например спортивные, музыкальные, шахматные и, пожалуй, математические. Но этого мало.

Вовлечение женщин в производство лишило детей важнейшего источника развития интеллекта и этических эмоций - общения с матерью, так как передача ребенка в ясли, а затем и в детсад, не обеспечивает важнейшее - максимально полное удовлетворение и поощрение любопытства "почемучки", от рождения до 8 лет прodelывающего, как теперь установлено, наиболее восприимчивый, наиболее установочный этап своего развития.

Может показаться, что самая постановка проблемы гениальности и антидемократична (гений 1 на 10 млн.), и не актуальна (дело идет и без них). Но оба этих, казалось бы, самоочевидных утверждения совершенно неверны. Теперь специальностей стало более 40 тыс., и, вероятно, для каждой оптимальна своя комбинация дарований, хотя во всех требуется раннее развитие талантов, внутренняя собранность и целеустремленность, специфические ценностные координаты.

Опасения, что индивидуализированное обучение может породить элитаризм, естественны. Но надо ли опасаться того, что в классе среди двадцати школьников отчетливо выделится первый математик, первый физик-экспериментатор, первый литератор, первый поэт, первый художник и искусствовед, первый пианист или скрипач, первый шахматист? При таком положении все одноклассники будут терпимо относиться даже - к первому ученику, а профилированные школы утратят свою чрезвычайную заманчивость даже для родителей, помешанных на престижности своих детей.

Именно ранний и повседневный контакт со многими яркими индивидуальностями и развивающимися разнообразными дарованиями уже в детстве и юности будет гасить то стремление к превосходству, престижности, тот инстинкт господства, самоутверждения за чужой счет, который перерождается в страсть к верховенству, власти.

Невозможность изучения нереализовавшихся гениев (их круг не определен, почти каждый из них относится к категории спорных гениев), недостаточная изученность их патографий заставляли нас рассматривать только гениев реализовавшихся. Это неизбежно означает, что среди рассмотренных нами лиц непропорционально велика доля венценосцев и знати в целом, а также имущественно состоятельной прослойки. Не является ли эта "прослойка" в целом более одаренной, не выдвинулась ли она вверх по социальной лестнице именно благодаря своим дарованиям, тем более, что мы подчеркивали наличие даровитых династий?

На этот вопрос уже около полувека назад ответили выдающиеся генетики Меллер, Холдейн, Хогбен, указав, что *в эксплуататорском обществе для подъема важны не дарования, а хищнические наклонности, и что очень большую роль играют также браки с наследниками.* <...>

Что же касается якобы повышенного генофонда королевских и императорских родов, то Вудс обнаружил среди европейских династий (три тысячи триста человек!) только один даровитый род - потомство Вильгельма Молчаливого[21]. <...>

в) принцип неисчерпаемой наследственной гетерогенности

Из всего сказанного легко вывести заключение, что для оптимизации развития достаточно предоставить детворе и юношеству хорошие, равные, соответствующие возрасту условия, и задача резкого повышения частоты развивающихся гениев, тем более выдающихся талантов, да и талантов вообще, будет решена.

К сожалению, этого совершенно недостаточно. С самого появления многоклеточных организмов с половым размножением естественный отбор в рамках каждого вида был направлен на создание максимальной наследственной гетерогенности. За появлением каждого нового вида животных и растений вплотную следовало появление специфически адаптированных к этому виду микробных (бактериальных, грибковых и вирусных) паразитов, ферменты и антигены которых точно адаптировались к полипептидам и антигенам хозяина.

Но приспособленность паразита к молекулам хозяина неизбежно вызывала среди особей - хозяев отбор на устойчивость к данному паразиту. В значительной мере этот отбор мог вести к исчезновению или замене у хозяина той молекулы, которая необходима паразиту (пример - распространение множества "защитных" эритроцитопатий в малярийных зонах обитания человека).

Этот отбор приводил также к распространению у вида - хозяина такой мутации, которая, минимально изменяя структуру необходимой паразиту молекулы, превращала эту молекулу в антиметаболит, блокирующий паразитарный фермент. Если паразит, вирусный, бактериальный или грибковый, адаптируясь к хозяину, начинал вырабатывать в своей оболочке антиген, мимикрирующий антиген хозяина, то среди популяций хозяина начинали распространяться мутации, меняющие мимикрируемый антиген, что восстанавливало способность мимикрируемых особей к образованию противопаразитарных антител.

Поскольку эпителии и слизистые не могут полностью воспрепятствовать проникновению разнообразнейших микробных паразитов во внутреннюю среду хозяина, одним из важнейших путей противостояния постоянному натиску патогенов является максимализация биохимических различий между особями вида - хозяина, что и приводит к созданию неисчерпаемых по своей сложности и многочисленности систем "сбалансированного полиморфизма" по очень значительной части генов любого вида животных, в том числе и человека [22]. Неисчерпаемая наследственная биохимическая гетерогенность не может не повлечь за собой неисчерпаемую наследственную гетерогенность психическую, тем более, что к наследственному полиморфизму молекулярного уровня присоединяется и иерархически более высокий. Можно догадываться, что разнообразие конституциональных типов (экоморфы, эндоморфы, мезоморфы и их промежуточные комбинации) порождались отбором на приспособленность к различным "нишам" среды и общества. Становление конституций, как скоррелированных целостностей, шло эволюционным путем подчинения развития ряда органов и функций какой-либо (иерархически высшей) нервной, эндокринной или обменной системе.

Нет нужды рассматривать, к чему более приспособлен гипотиреоидный или гипертиреоидный тип конституции, так как число таких полюсов в рамках относительной нормы очень велико. Можно ограничиться частным примером: сдвиг по линии гипогипертиреоидности в значительной мере удовлетворяет правилам Аллена и Глогера (конституциональных адаптаций к холоду и теплу), тогда как сдвиги от полюса подвижности к малоподвижности нервной системы могут повышать адаптацию к множеству природных и социальных ниш.

Для нас существенна гетерогенность типов конституции, мышления, тонуса, восприимчивости, темпов созревания, быстроты или глубины понимания и вытекающая из этого основополагающая закономерность - безграничное разнообразие индивидуальностей, слагающихся в задатках даже не к моменту рождения, а в момент

зачатия. В силу этого, даже при предельном единообразии условий развития и воспитания каждый индивид выберет для себя свои решающие импрессионги. <...>

Способность найти у каждого ребенка его собственные, только ему свойственные точки восприимчивости и дарования составляет существо педагогического и родительского такта, а отыскание "клавиш" к потенциальным способностям, их максимальное развитие требуют исключительного внимания, проникновения и труда. Вероятно, поэтому так редко полнота расцвета и реализации, так редко складываются подлинно творческие кружки и коллективы.

Фактор гиперурикемической (подагрической) стимуляции умственной активности и патографии выдающихся подагриков мировой истории

Считая достоверно установленным, что в выровненных, в общем благоприятных условиях развития очень большое значение приобретают наследственные различия в одаренности, мы занялись вопросом, какими же наследственными факторами может определяться столь ярко выраженная особенность, как активный талант и гениальность. В связи с этим мы обратили внимание на обнаружившуюся довольно давно повышенную умственную активность подагриков и на замечательную работу "История английского гения" [23] Г. Эллиса, который не только показал очень высокую частоту подагриков среди выдающихся людей Англии, но и дал четкое определение подагрического гения, противопоставив этих твердых, неуклонно решительных, работоспособных, мужественных гениев быстро вспыхивающим, ярким, переменчивым, блистающим, несколько женственным "чахоточным гениям". Свою разгадку повышенная частота подагриков среди гениев нашла в 1955 году в другой замечательной работе Оруана [24], показавшего, что мочевая кислота структурно очень сходна с кофеином и теоброминном - известными стимуляторами умственной активности.

Оруан указал также на то, что мочевая кислота у всех животных доприматного уровня, расщепляющаяся под действием уриказы до аллантаина, у приматов же, из-за отсутствия уриказы, сохраняется в крови, и именно с этим, предположительно, связан новый этап эволюции, идущий под знаком повышенной активности мозга.

Отметим, что организм нормального человека содержит около 1 г мочевой кислоты, причем ежедневно образуется и выводится 0,5 г. В организме больного подагрой постоянный уровень мочевой кислоты в крови повышен в 1,5 - 1,8 раза против нормы, а общее содержание ее в организме - 30 г. При многолетнем избытке мочевой кислоты в крови откладываются ее кристаллы - тофусы, которые вызывают подагрические боли и в конце концов превращают больных в инвалидов. Некоторые последующие работы подтвердили, в большей или меньшей степени, положительную корреляцию уровня мочевой кислоты и умственной активности. <...>

Поскольку подагра и гиперурикемия (повышенный уровень мочевой кислоты) довольно четко наследуются при разнообразных нарушениях обмена, возникла рабочая гипотеза:

1. Это нарушение обмена - один из многих возможных механизмов возникновения и передачи потомству той доли повышенного интеллекта, которая, по исследованиям на близнецах, наследственно обусловлена.
2. Более того, подагрическая стимуляция мозга - это один из тех механизмов, которые могут повышать его деятельность до уровня талантливости или

гениальности. Тогда хотя бы часть случаев гениальности поддалась бы естественнонаучной расшифровке, а сама гениальность из предмета спекулятивных рассуждений превратилась бы в объект научного исследования.

Исходя из этих соображений, мы решились предпринять "междисциплинарное" исследование, посвященное роли подагриков в мировой культуре.

Получив целый ряд необычайно веских подтверждений того, что весьма значительная доля крупнейших деятелей истории и культуры действительно страдали подагрой, и устранив другие гипотезы, которыми можно было бы объяснить чрезвычайно высокую частоту гениальности среди подагриков, кроме стимулирующего действия мочевой кислоты на мозг, мы обратили внимание еще на два гормональных механизма стимуляции, а также на необычайно стимулирующую умственную деятельность гипертимную фазу субклинической или клинической циклотимии, которую (так как достаточно часто имеет место настоящая патология) мы будем в дальнейшем условно называть гипоманиакальностью или гипертимностью.

Наконец, после того, как стала очевидной большая роль этих четырех факторов, мы были вынуждены обратить внимание на то, что среди гениев необычайно часто встречается броское высоколобие и даже гигантолобие. Биологам достаточно вспомнить портреты Менделя, Моргана, Крика и Уотсона, но, конечно, здесь также необходим широчайший подход...

Из фактического материала, который будет предоставлен далее, следуют, как нам представляется, существенные междисциплинарные и социологические выводы, которых мы сможем коснуться лишь после изложения собранных нами данных. <...>

Прослеживание судьбы и творчества меченых стигмами деятелей невольно возвращает нас к первичным представлениям о существенной непредсказуемости и индетерминированности хода истории, которая достаточно отчетливо проявляется в статьях Ф. Энгельса о франко-прусской войне 1870 - 1871 годов, в его других военных произведениях, в исторических записках К. Маркса, в решениях В.И. Ленина, и уже необычайно четко в событиях XX века, когда реальная история творила зигзаги, совершенно непредсказуемые с примитивных социализаторских позиций. Такой завершающий разбор может иметь ценность еще и потому, что ослабит самоуспокоенность тех монополистов "передовой теории", которые пребывают в спокойной уверенности, что развитие социума в заранее предсказанном направлении идет с такой мощью, что все, даже самые грубые просчеты и ошибки будут списаны естественным ходом событий.

Рассматривая пять факторов повышенной умственной активности, разумеется, надо отчетливо понимать, что наличие любого из них, отдельно или попарно, вовсе не гарантирует высокую умственную активность. Совершенно очевидно, что любой из них может быть совершенно подавлен множеством отрицательных наследственных, биологических, биосоциальных и социальных факторов. (Трюизм, не заслуживающий, как нам кажется, подробного рассмотрения.) <...>

Мы полагаем, что представленный материал в достаточной мере докажет необходимость развития двух междисциплинарных областей, которые мы временно назовем генеалогией и историогенией. Это тем более необходимо, что механизмы творческого стимула, ведущего к гениальным достижениям, нам удалось в какой-то мере расшифровать только

у двух третей крупных деятелей мировой истории и культуры; существует множество гениев, патография которых оказалась недостаточной или неизученной нами для того, чтобы уложить их в рамки уже раскрытых механизмов, да и те пять факторов, которые описываются ниже, составляют, вероятно, малую долю из оставшихся неизвестными.

Психологические особенности подагрических гениев

Если первым подагриком, зарегистрированным в истории, был иудейский король, мудрый Аза, потомок Соломона, то Гиерон Сиракузский в V веке до нашей эры уже знал о связи между болезнью суставов с камнями мочевого пузыря, т.е. о мочекаменной болезни у подагриков. Масса уратов была обнаружена в большом пальце ноги скелета пожилого мужчины, похороненного в Верхнем Египте. Самой древней находкой является мочеислый почечный камень у египетской мумии 7000-летней давности. Тальботт [25] замечает по этому поводу, что наличие мочеислого камня в почках не доказывает подагру, хотя вероятность ее при этом составляет более 90%. Египтяне уже за 1500 лет до нашей эры умели лечить подагру растениями, содержащими колхицин.

Подагрой болел и от нее умер римский поэт Лукиан, описавший муки подагры в своих стихах. Стакелей [26] считал, что многие греческие вожди, участвовавшие в Троянской войне, страдали подагрой, в том числе Приам, Ахилл, Эдип, Протесилай, Улисс, Беллерофон, Плестен, Филоктет, тогда как Тиранион Грамматик от подагры умер.

К этому времени уже обратили внимание на необычайно высокий интеллект многих подагриков. Эти наблюдения подтверждались и средневековыми авторами, публицистами и врачами нового времени, покуда в XIX веке подагру надолго, не стали считать результатом обжорства, пьянства и всяких излишеств, с множеством иллюстрирующих это карикатур. Но, как уже упоминалось, в 1927 году Г. Эллис дал четкое определение особенностей гениев-подагриков, отмечая их исключительную целеустремленность, энергию, неистощимое упорство и работоспособность, настойчивость, преодолевающую любые препятствия.

Приступая к очеркам-биографиям подагриков, мы должны предупредить, что длина этих очерков обычно будет обратно пропорциональна известности описываемого лица. <...>

Мы не можем также подходить к деятелям истории с позиций добра и зла, прогрессивности или реакционности их деятельности; нельзя особенно считаться и с критерием "успех - неуспех". Люди действовали в соответствии с поставленными их социумом задачами, в рамках этики своего времени, и для нас решающими являются энергия, личная активность, решительность. Трудно найти фигуру более реакционную, скажем, чем Карл V, более реакционную и отвратительную, чем Филипп II. Но тогда нам пришлось бы осудить и Колумба, который вывозил в Испанию рабов, умиравших там через год-два. <...>

По чисто техническим причинам нам пришлось сосредоточить свое внимание почти целиком на гениях и выдающихся талантах Европы, Западной и Центральной. Мы надеемся, что этот пробел будет заполнен продолжателями, точно так же, как мы надеемся, что в ближайшие годы будут раскрыты не обнаруженные нами механизмы. Может быть, не лишне предупредить, что основной вывод - это потенциальное могущество ума человека. Если оно гораздо полнее реализуется при воздействии на мозг внешнего по отношению к нему стимула, биохимического или гормонального, то это надо понимать прежде всего как доказательство того, что может совершать мозг под влиянием волевой установки на постоянную активность. <...>

Доля достоверных подагриков, обнаруженных автором в различных групповых биографиях и перечнях

Итоги наших выборок по изучению индивидуальных патографий и определению частоты подагриков среди лиц, перечисленных в 64 различных групповых биографиях и перечнях великих деятелей, сведены в таблицу. Перечни отбирались исключительно по признаку представленности в них самых крупных, наиболее знаменитых деятелей всех времен <...>.

В серии и списки, подлежащие рассмотрению, включались только такие, но при этом уже безотборно, в которые входило хоть несколько общепризнанных, несомненных гениев, с обязательным условием: наличием биографий этих гениев на английском языке. Условие, вызванное не только их значимостью, но и техническими причинами - в первую очередь гарантией того, что будет обнаружена не одна, а хоть несколько взаимодополняющих биографий с предметными указателями.

Именно установление и документирование подагричности или отсутствие ее у каждого деятеля с соответствующей характерологией и активностью составляло основное существо и трудность исследования: по каждому заподозренному приходилось просматривать максимальное число биографий. <...>

С частотой подагричности среди гениев надо сопоставить частоту подагры среди всего пожилого мужского населения страны, где потребляется много мяса и алкоголя (выявителей подагрического предрасположения): частота подагры по разным источникам колеблется от 0,3 до 0,6%. Если судить по официальной статистике, то в США на 100 млн мужского населения, среди них миллионов 25 старше 60 - 65 лет, насчитывалось 300 тыс. подагриков, что составляет менее 1,3%. Как мы видели (в таблице), крупные выборки гениев и выдающихся талантов дают цифру 5 - 10%, малые выборки подлинных гениев - 20 - 40%, тогда как среди гениев-титанов, которых вообще насчитывается несколько десятков, выборки дают цифры 30 - 50%. <...>

Вероятно, около 50 перечисленных нами подагриков войдет в любой список 400 общепризнанных гениев мировой истории и культуры, и эти-то 12,5% бесспорно достоверно статистически отличаются от среднепопуляционных 1 - 2% для пожилого населения богатых стран. Что касается подагры, то трудно представить себе заболевание, более мешающее, например, полководческой деятельности. Однако не менее четырех великих полководцев командовали походами и сражениями с носилок, к которым их приковала подагра, - это Септимий Север, Александр Фарнезе Пармский, Валленштейн и Леннарт Торстенсон. Вообще же список великих полководцев-подагриков, начиная с Гиерона Сиракузского, Александра Македонского, неназванных поименно Цельзием великих полководцев-"императоров", Марка Агриппы, продолжая Карлом Великим, Генрихом 1У, Тюренном, Конде, Вильгельмом III Оранским и кончая, например, Ермоловым, производит поразительное впечатление.

Патографии выдающихся подагриков и кратчайшие очерки их значения

Филипп II и Александр Македонский. Поскольку о Филиппе и Александре Македонском уже упоминалось выше и их деяния достаточно хорошо известны, мы их коснемся здесь только поверхностно. Хогард отмечает [27], что Филипп <...> обладал железным здоровьем, одерживал множество замечательных побед, прославился своим полководческим и дипломатическим искусством, организаторским талантом.

В своих "Филиппиках" Демосфен говорил: "Вся Греция, весь варварский мир слишком малы для гордости этого человека". "Постыдно, что именно этот македонец имеет столь смелую душу, что ради расширения своей империи дал себя совершенно изранить".

После смерти Филиппа Демосфен сказал: "Нам пришлось воевать с таким человеком, который ради власти и господства расплатился выбитым глазом, сломанным плечом, изуродованной рукой и ногой; и он все отдал бы, что потребовала бы от него богиня Счастья, чтобы оставшемуся достались слава и честь"[28].

Когда Филипп отправился в дальний поход, Александр Македонский в 16 лет был оставлен правителем всей Македонии. В 18 лет Александр командовал решающим флангом македонских войск в битве при Херонее. Когда этого потребовали государственные соображения, когда после смерти Филиппа II началось повсеместное брожение, он в 21 год стремительно двинулся на Фивы, взял город штурмом и разрушил его, а затем продал в рабство жителей, устранив таким образом всю Элладу. К 25 годам он блистательно выиграл решающее сражение с персами при Гранике; пройдя по побережью Средиземного моря от Геллеспонта до границ Египта, он выиграл . еще два решительных сражения; численность персидских войск, как показал Дельбрюк, была преувеличена в десятки раз, но все же превышала силы Александра. В 25 лет он завоевал Вавилон.

Он поднялся на никем еще до него не достигнутые вершины могущества. Но он вел войска все дальше и дальше, завоевывая Среднюю Азию; через нынешний Афганистан он повел измученные войска на Индию, перешел Инд, победил могущественного царя Пора и пошел бы еще дальше, если бы его истомленные войска не взбунтовались. Только полностью исчерпав пределы их энтузиазма, выносливости и сил, он, наконец, повел их обратно. Никаких собственных личностных барьеров его энергия и храбрость, по-видимому, не знали. О том, что вся завоевательная политика держалась на его личности, на безграничной целеустремленности, свидетельствует не только быстрый распад огромной империи на царства, убийство его маленького сына, но и то, что известие о смерти Александра Македонского, величайшего распространителя эллинизма, было встречено в Афинах с необычайной радостью. Изгнанный Демосфен был немедленно возвращен из изгнания и триумфально встречен всем городом в Пирее [29].

Как упоминалось, "почти все" великие полководцы римской республики, завоевавшие страны, примыкавшие к бассейну Средиземноморья, были подагриками. Мы предоставляем другим исследователям уточнить поименно, кто именно, а в иллюстративном порядке остановимся на наиболее "теновом", "сером кардинале", Марке Випсании Агриппе.

Марк Випсаний Агриппа (63 - 12 г. до н.э.). Подагра Марка Агриппы установлена достоверно. Более того, известно, что он перенес три тяжелейших подагрических приступа и покончил с собой в начале четвертого приступа, не желая переносить дальше невероятные муки. Агриппа является одной из тех, не редких в истории личностей, которые подготавливают и осуществляют великие дела, оставляя представительство и славу другим. Агриппа выдвинулся как крупный полководец еще при Юлии Цезаре, но особенно в гражданских войнах после его убийства, в борьбе с республиканцами, во внешних войнах, затем в войнах с Секстом Помпеем и Марком Антонием. Историки утверждают, что он был для Октавиана Августа Бисмарком и Мольтке в одном лице, соединяя в себе качества блестящего дипломата, организатора, полководца и флотоводца [30]. Как полководец Агриппа прославился прежде всего компаниями против восставших кантабров и аквитанцев, затем в перузийской и иллирийской войнах. Но когда

могущество помпеянцев на суше было сломлено, огромный флот Секста Помпея продолжал господствовать на Средиземном море, блокируя Италию. Для того, чтобы справиться с этим врагом, контролирующим все прибрежные порты республики, Агриппа организовал первую защищенную с моря римскую военную гавань, порт Юлию, где и был сооружен сильный морской флот. При этом Агриппа ввел крупное новшество: на кораблях скрыто устанавливалась мощная катапульта, которая выбрасывала на борт вражеского корабля длинную железную балку с загнутым крюком. Привязанная к канату, эта балка при помощи кабестана быстро притягивала вражеский корабль, и начинался абордажный бой, в котором тренированные в ближнем бою и хорошо защищенные латами, вооруженные для ближнего боя легионеры Агриппы легко справлялись с матросами Секста Помпея. Его флот был разгромлен в двух морских сражениях, и дуумвират Октавиан Август - Марк Антоний окончательно сокрушил республиканцев. Сражение при Ациуме было заранее выиграно Агриппой, который так систематично, методично блокировал армию и флот Марка Антония, что тому пришлось вместе с Клеопатрой бежать при первом удобном случае, когда во время морского боя представилась возможность прорваться с частью эскадры. Вся армия и остальной флот сразу сдались. Но помимо своей военно-политической деятельности, Агриппа прославился проведением дорог, водопроводов, составлением карты римской империи. Ему трижды присуждался триумф; и он от него каждый раз отказывался. Его слава, однако, обернулась большими бедами для Рима, даровав империю внуку Калигуле и его правнуку Нерону.

Папа Григорий Великий (540 - 604). Григорий Великий справедливо считается истинным на тысячелетие законоустановителем всей римско-католической церкви, своим авторитетом утвердившим полное господство римских пап над западноевропейским церковно-монастырским миром. Это был аскет, человек необычайно сильной воли, выдающийся администратор и писатель. Две его книги имеются в русском переводе, а одна из книг до сих пор считается настольной для всего католического духовенства. Он страдал тяжелой подагрой, столь распространенной, что его распухшие руки не владели пером, и он должен был привязывать перо к кисти, чтобы писать, или же диктовать свои обширные классические труды.

Труды Григория Великого оказали в ранние и средние века огромное действие. Они способствовали созданию аскетического типа европейской церкви. Книга "Regula pastoralis" стала настольной для священников. Его "Moralia" в 26 книгах, необычайно красноречие, громадный административный талант, исключительная работоспособность при аскетическом образе жизни, обширная миссионерская деятельность и, кроме того, создание церковного государства, тянувшегося от Тосканы до Сицилии - все это оказалось основополагающим и направляющим для деятельности римских пап на протяжении более тысячелетия, как бы сами папы не отклонились от идеалов Григория Великого. (Частое сочетание аскетизма с тяжчайшей подагрой опровергает теорию об ожорстве, как о главной причине болезни.) <...>

Таким образом, добрая доля поразительной истории северной Италии, да и всего Возрождения, добрая доля ее культуры связана с подагрическими Медичи, Висконти, Микеланджело, Петраркой, если ограничиться только самыми выдающимися, не говоря уже о том, что именно Медичи-папы поднесли факел к пороховой бочке - Реформации. <...>

Микеланджело (1475 - 1564). Микеланджело, о почечно-каменной болезни которого упоминают почти все его биографы, а о подагре попутно Р. Роллан [31], сочетал невероятное, неудержимое трудолюбие с почти безграничной универсальностью. Его

собственная мощь и энергия как бы передались его скульптурам и другим произведениям. Она как бы рвется у них изнутри, взглянем ли мы на раба, на еще сидящего Моисея, на пророков и святых, на "Страшный суд" или что-либо другое. Многообразие, сила, упорство, глубина, значимость скульптур, картин, архитектурных сооружений общеизвестны, и нам остается только напомнить о поразительной проникновенности и пронизательности его сонетов, подтверждающих, что главное во всех гениях -огромная сила интеллекта, рвущегося в творчество. <...>

Христофор Колумб (1451 - 1506). В испанской литературе о Колумбе нередки упоминания о том, что он страдал подагрой, а в английских книгах говорится неопределенно то о подагре, то о ревматизме, но как мы не раз убеждались, испанское слово "gota" (подагра) неточно переводится как ревматизм.

Документы и сведения о нем крайне противоречивы. Оспаривается, например, его генуэзское происхождение - он не знал итальянского языка и писал только на испанском. Здесь невозможно рассматривать выдвинутые против него обвинения, в частности, в том, что он совершил роковую ошибку, приняв Америку за Азию, что всецело объясняется состоянием географии того времени, трудностью и ненадежностью сведений от туземцев, а может быть, и невозможностью получения средств и экипажа. Важна его деятельность, его упорные попытки добиться снаряжения экспедиции на запад при португальском дворе, его многолетние попытки добиться этой экспедиции при дворе Кастилии и Лесоа, его решимость после многих бесплодных лет обратиться к Франции, преодоление им бесчисленных кризисных ситуаций со своим будущим экипажем, с Пинсонами, успешная борьба с придворными интриганами; вторая, третья, четвертая экспедиция в Америку - любого из этих предприятий достаточно, чтобы видеть в нем человека изумительной энергии, настойчивости, целеустремленности, воли, увлеченности.

Следствия его открытий громадны, его подагричность несомненна, в особенности по испанским источникам <...>. Для нас существенно то, что не считая случайного, забытого открытия Винланда Эриком Рыжим и Лейфом Счастливым, Колумб был первым человеком за многие тысячелетия, который, преодолевая бесчисленные препятствия, добился снаряжения первой экспедиции и тремя последующими сделал Новый Свет достижимым.

Он был вовсе незнатным человеком - обстоятельство, невероятно осложнившее его задачу; он был чужестранцем, что еще хуже. Ему приходилось добиваться цели при дворе и подчинять своей воле всегда готовый к бунту экипаж. Ему приходилось выторговывать себе высшие звания, может быть потому, что без них с ним вообще не стали бы считаться подчиненные ему авантюристы и преступники. Его характерологию следует определять по свершениям, а не по дошедшим документам, включая его собственноручные. Возможно, не давай свои непомерные обещания, он не получил бы и средства для осуществления замысла. Для нас существенно одно - многократность совершенных подвигов интеллекта, воли, настойчивости и целеустремленности [32].

Многие историки считают Колумба лишь баловнем судьбы, лгуном, обманщиком, невеждой. Эти высказывания базируются на совершенно чудовищных ошибках, обнаруженных в документах, исходящих от Колумба, и на том, что он считал себя не открывателем нового континента, а открывателем нового пути в Азию, открытые же им земли - азиатскими. Нет смысла перечислять ошибки в донесениях, прокламациях и декларациях. Они бесчисленны. Колумбу были нужны поддержка испанской короны, деньги и люди. Он не смог бы получить ни королевскую поддержку, ни денег, ни людей, если бы просил все это для достижения цели, лежащей на расстоянии 13 тыс. км, во

времена, когда за пределами Средиземноморья любое некаботажное плавание, даже переправа через Ла Манш, было небезопасным предприятием. Он должен был указывать гораздо более близкую цель, вынужден был свою версию поддерживать. Что он эту цель, путь к ней и обратно, в действительности знал неопровержимо, доказывается тем, что от берегов Испании он отправился не прямо к цели, а на юго-восток, к Канарским островам, а оттуда, пользуясь попутными пассатами, за 5 недель доплыл до Антилл. Возвращаясь же в Испанию, Колумб поплыл вовсе не прямым путем на восток, а против ветров и течений поплыл на северо-восток и затем, по зоне попутных ветров и течений, всего за две недели приплыл к Канарским островам.

Другое доказательство, что Колумб еще до первого путешествия знал приблизительно, где ждет берег, достоверно известно из записок Фернандо Колумба и Лас Касаса: каравеллам была дана инструкция плыть на запад днем и ночью 700 лиг, и только после этого прекратить ночное плавание. Следовательно, Колумб был уверен, что земля ближе этого расстояния (700 лиг - 4150 км) не покажется. А расстояние от Канарских островов до восточной части Карибского моря составляет около 750 лиг (4500 км). Следовательно, Колумб знал, куда плывет.

Еще одно доказательство: когда после 33-дневного плавания под попутным ветром и течением команда взбунтовалась и потребовала возвращения, Колумб дал свое знаменитое обещание повернуть обратно, если земля не будет обнаружена в течение ближайших трех дней. При любой ситуации такое обещание можно было дать только в твердой уверенности, что земля близка. Незадолго до истечения выговоренного срока земля была обнаружена. А ведь Колумб рисковал потерять абсолютно все.

Вскоре после возвращения первой экспедиции король Фердинанд и королева Изабелла пишут Колумбу: "Нам кажется, что все, о чем вы в самом начале нам рассказали, что можно будет добыть - все это оказалось настолько правильным, как будто вы все это сами видели до того, как об этом сказали". Сама формулировка титулов, пожалованных Колумбу после первого путешествия, совершенно исключает мысль о том, что где-то рядом с открытыми им островами лежат могущественные империи Китай и Чипанго, с которыми, вероятно, придется отчаянно бороться за господство над открытыми Колумбом островами, если они действительно богаты. Соперничество в морской торговле всегда играло огромную роль, конкуренты отчаянно сражались друг с другом, а шпионаж и составленные неправильно, сбивающие с толку карты были общепринятыми методами в этой борьбе. Приносить заслуги и энергию Колумба, совершившего четыре совершенно необычайных по трудности и значению экспедиции в Америку на том основании, что он был сбит с толку еще до начала их или введен в заблуждение туземцами из-за незнания их языка, нельзя. <...>

Борис Годунов (1551 - 1606) и крушение карамзинской легенды. В русскую историю и литературу, в наше сознание, благодаря историкам Щербатову, Карамзину, Пушкину (в особенности монологу Пимена), опере Мусоргского, трилогии А.К. Толстого, Борис Годунов вошел как умный, самыми бессовестными средствами пробравшийся к власти, бесконечно жестокий, ловкий изверг, предтеча и причина Смутного времени. <...>

Горе побежденному, ибо его историю напишет враг. Несомненно, это произошло и с Борисом Годуновым, которому лишь в слабой мере воздал часть должного А.К. Толстой в "Князе Серебряном". <...>

Нас поразили факты: огромный размах деятельности Годунова на благо страны, закрепление за ней всех территорий по течению Волги и других окраин, громадное

строительство городов и крепостей, а главное - решительное продвижение страны на юг, строительство множества крепостей, прекративших навсегда набеги татар на Россию и тем отнявших главный источник доходов Крымского царства - угон в рабство.

Бросалось в глаза и другое обстоятельство: обвинение Годунова в убийстве царевича Дмитрия, как возможного претендента на престол, возведение Дмитрия в великомученики церковью романовского периода. Далее разительное несоответствие исторической летописи фактам:

1. Борис Годунов прошел через все царствование Иоанна Грозного почти незапятнанным (если не считать женитьбы на дочери Малюты Скуратова-Бельского).
2. Несовместимо с версией о его преступном стремлении к владычеству и престолу то, что он во время ссоры Иоанна Грозного с сыном пытался спасти царевича и был при этом тяжело ранен царем, рискуя навлечь на себя жесточайшую ненависть царя.
3. Подозрительными кажутся и угрызения совести, якобы испытываемые Борисом Годуновым ("мальчишки кровавые в глазах"). Высокопоставленные убийцы, находясь у власти, угрызений совести, как показывает история, не испытывают. <...>

Обратимся к объективным свидетельствам деятельности Бориса Годунова, как при царе Федоре, так и во времена его собственного царствования. Вменявшаяся ему в вину отмена Юрьева дня произошла не при нем, но при нем произошло целенаправленное строительство и заселение городов по Волге, а именно Самары, Царицына, а также постройка каменной крепости в Астрахани. Таким образом, именно при Борисе Годунове, благодаря его целеустремленной колонизаторской политике Волга стала от Казани до Астрахани русской рекой. Строительством Яицка (Оренбурга) закреплена была за Россией река Урал и прикрыто от кочевников Нижнее Поволжье, строительство и заселение Цивильска, Уржума, Царева закрепили за Россией Черемиссию. Строительство Тюмени, Тобольска, Томска, Березова, Сургута, Тары, Нарыма восстановило и закрепило за Россией утраченное было с гибелью Ермака господство над Сибирью и создало мощную базу для продвижения на восток. Строительство каменной крепости в Смоленске сделало этот город твердыней, защищавшей Россию от ударов с запада, и в дальнейшей истории этой крепости суждена была большая роль.

Но два мероприятия особенно свидетельствуют о величайшей мудрости и предусмотрительности Годунова. Одно - построение целого пояса городов-крепостей на юге, надежно прикрывавших Россию от набегов крымских татар и создавших возможность продвижения на юг, объединения с украинским казачеством. Это восстановление Курска, строительство Ливен, Кром, Воронежа, Оскола, Валук. Южная граница страны была отодвинута далеко на юг. А ведь при Иоанне Грозном татары подошли к Москве, подожгли ее, и только от этого пожара погибло 200 тыс. человек. Сколько миллионов погибло и было угнано в рабство раньше?

Надо отметить еще и необычайную ловкость, с которой Борис Годунов (если правильны некоторые источники) побудил царя Иоанна Грозного под конец отменить опричнину: он убедил царя, что этим он усилит расположение к себе польского панства и повысит шансы на свое избрание польским королем (польская шляхта только и мечтала заполучить себе в короли этого изверга). Таким образом, и это зло Борису Годунову удалось убрать.

Все реально совершенные при нем дела, осуществленные русским народом под его неутомимым, мудрым руководством, должны были бы обеспечить ему бессмертную, вечную славу, особенно принимая во внимание то состояние, в котором он принял страну, где народ изверился; торговля, промышленность, купечество и крестьянство были разорены опричниной, казнями, всеобщим произволом, неудачными войнами. Разумеется, Бориса ненавидело боярство:

Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач
Возьмет бразды и бармы Мономаха.

Голод и "моровые болезни", омрачившие последние годы царствования Бориса, были отнюдь не Божьей карой, а следствием естественных событий, причем Борис Годунов сделал все от него зависящее, чтобы ослабить голод. И не вина, а беда его, что бояре и их челядь, возбуждая народ, все стихийные несчастья приписывали Божьей каре за убийство Дмитрия. Борис не мог оставить эту злостную клевету безнаказанной и должен был вступить в жестокую борьбу с боярством.

Но Борис Годунов враждовал с домом Романовых, заточил в монастырь будущего патриарха Филарета и в отместку был провозглашен великомучеником Дмитрий, которого Борису никакой надобности убивать не было. К. Валишевский [33] упоминает о том, что Карамзин располагал документами, устанавливающими невинность Бориса Годунова в смерти царевича Дмитрия; но и вмешательство "сверху", и церковная версия вынудили его держаться традиции. Любопытно свидетельство М.И. Погодина: "пишучи, я был уверен в невинности Бориса, как был уверен в ней Карамзин во время своей молодости, теперь это убеждение несколько поколебалось [34]. <...>

Западные историки характеризуют Бориса Годунова следующим образом: "Это оригинальная личность, воплощение ума и энергии, о котором все современники единодушно отзываются как о человеке исключительно деловитом" [35]. "Измумительный человек, с умом сильным и пронизательным, благочестивый, красноречивый, сострадательный к бедным, целиком преданный своему делу". "Если в Москве и были даровитые администраторы, то по уму они все же были лишь бледной тенью Бориса". "Во всей стране не было равного ему по уму и мудрости". Русские летописцы утверждают то же самое.

Грэхем утверждает, что Годунову чрезвычайно не повезло, потому что историю его писали при Романовых, его врагах, и подчеркивает предвзятость Щербатова, Карамзина, Ключевского [36].

Незыблемы данные: залечивание многих ран, нанесенных Иоанном Грозным, колоссальное расширение страны, строительство массы городов-крепостей на окраинах, прекращение татарских набегов. И решающее: Бориса Годунова сломали не угрызения совести, а тяжелейшая подагра. Грэхем упоминает о подагре Бориса Годунова [37]. Грюнвальд: "В 1598 году он располнел, его волосы поседели, припадки подагры сделали ходьбу для него мучением". "Известно, что еще раньше он должен был провожать на кладбище свою сестру не пешком, по обычаю, а на санях из-за подагры"[38].

Никаких мальчиков кровавых в глазах!

У С.Б. Веселовского мы находим ряд данных, раскрывающих неверность общепринятой, в частности и пушкинской, оценки Бориса Годунова [39].

Можно констатировать, что почти через четыре века генетика помогает раскрыть истинный облик великого деятеля, и показать, что подняла его на огромную высоту подагрическая стимуляция интеллекта, и именно она, тяжелейшая болезнь, интриги боярства и циничная измена, а вовсе не мнимые угрызения совести, разрушили его дело. Четыреста лет клеветы можно отместить.

Мы вынуждены так подробно документировать деятельность и истинный облик Бориса Годунова, потому что нет-нет, да возникают рецидивы романовской, явно ложной трактовки, опорочивается избрание Годунова царем, и на Годунова сваливают беды Смутного времени.

Джон Мильтон (1608 - 1674). Хотя "Потерянный рай" и "Возвращенный рай" давно перешли в разряд произведений, которые положено знать, но отнюдь не читать, звание великого поэта, великого страдальца за ним закреплено, вероятно, до конца нашей цивилизации.

Есть нечто общее между величием образов Микеланджело и Мильтона. Мильтон ослеп, но он говорил, что слепота терзает его меньше, чем подагра. Подагре Мильтона посвящена работа Блэка, в которой упоминается и то, что болезнь началась, по-видимому, в 1664 - 1666 годах, что его пальцы на руках были подагричны и покрыты тофусами, что Мильтон вел чрезвычайно умеренный образ жизни [40]. Болел подагрой и его племянник [41].

Отец Мильтона, происходивший из состоятельной католической семьи, стал протестантом, за что был лишен наследства. Но он сумел создать для сына, будущего поэта, оптимальные условия развития, и Джон Мильтон еще в детстве изучил, помимо обязательных латинского и греческого, еще еврейский, французский и итальянский языки, а также философию. Отец всячески поощрял занятия сына, хотя тот редко прекращал работу до полуночи. Путешествие в Италию завершило его образование.

Мильтон тридцатилетним начал писать политические памфлеты, стал сторонником революции и Кромвеля, но в 44 года у него появились первые признаки снижения зрения. В 1649 году был обезглавлен Карл I, Мильтон написал ряд поэм в оправдание и защиту Кромвеля и только после реставрации Стюартов посвятил себя целиком "Потерянному раю". <...>

Петр I (1672 - 1725). Портреты Петра I, его гигантский рост общеизвестны, но не всем ясно, какое значение имеют его огромные, постоянно выпученные глаза, его быстрая, переклестывающаяся речь, невероятная подвижность, умственная и физическая. Немало писали о его венерических заболеваниях и за этим проглядели истинную причину его смерти - почечнокаменную болезнь, документированную не только его частыми поездками на курорты Спа, Карлсбада и многие другие курорты, не только частыми затруднениями мочеиспускания, а главным и решающим - тем, что пришлось решиться на хирургическое удаление камня из мочевого пузыря.

Петр I умер не от простуды вообще, а от обостренной простудой гнойной мочекаменной болезни. Болезнь тянулась много лет, и если в прошлом это объясняли гонореей, то факт вынужденной операции удаления камня мочевого пузыря свидетельствует о почечнокаменной болезни. Эта болезнь лишь в половине случаев связана с мочекислыми камнями. Но Петр I двадцать лет болел "ревматизмом", что говорит в пользу подагры. Прямых данных о подагре Петра I при вынужденном экстенсивном характере наших исследований нам обнаружить не удалось, но подагричность его, судя по наличию

почечнокаменной болезни, 20-летнего "ревматизма" и другим признакам, чрезвычайно вероятно.

Хотя по многим психическим признакам (необычайное трудолюбие, целеустремленность, решительность, упорство, постоянно и чрезвычайно напряженно работающий интеллект) Петр I почти целиком укладывается в характерологию подагрического гения, у него был ряд дополнительных биологических особенностей, объясняемых его гиперсексуальностью. Кроме того, обстоятельства его детско-подросткового развития несколько напоминают детство и юность Иоанна Грозного.

Разумеется, Петр I был в значительной мере реализатором социальных нужд, но вместе с тем именно той биологически уникальной личностью, которая смогла реализовать эти нужды, ни перед чем не останавливаясь, и наложить на все свой отпечаток.

В почечнокаменной болезни Петра I можно удостовериться, например, у Грэя [42]. Мы вынуждены документировать его почечнокаменную болезнь, потому что в русских исторических трудах причину его смерти обычно видят в простуде, полученной при действительно героическом спасении погибающих из ледяной воды. Так как указания историков противоречивы, впрочем, как и сама личность Петра I, приведем дословно свидетельства историка о кончине Петра: "У него возобновились приступы задержания мочи, которые мучили его под Ригой и потом после персидской кампании. В то же время он страдал от камней. У него были дни тяжелых страданий, когда он почти не мог заниматься каким-либо делом, и периоды просветления, когда он злоупотреблял какими-либо из своих любимых занятий... Ему пришлось слечь, обнаружилось воспаление мочевого пузыря, которое быстро прогрессировало и которое уже нельзя было остановить" [43].

Он умер 8 февраля 1725 года. Любопытно одно примечание автора: "Сообщается, что д-р Блуменрост описал болезнь Петра д-ру Шталю в Берлине и знаменитому Герману Бургаву в Лейдене, прося совета (письма отсылались специальным курьером). Но еще до того, как Бургав смог дать совет, пришла весть о кончине Петра. Говорят, что Бургав воскликнул: "Боже мой, как можно было позволить этому великому человеку умереть, если его можно было спасти грошовым лекарством". Беседуя с другими врачами, Бургав высказал мнение, что император мог бы прожить еще много лет, если бы правильно лечился, не скрывал так долго свою болезнь и не прыгнул бы в воду в ноябре" [44].

Для нас существенно здесь подтверждение почечнокаменной болезни Петра I, впрочем, не обязательно вызванной именно уратными камнями или наслоениями на эти камни. Важнее всего уверенность в излечимости болезни Петра I "грошовым лекарством", высказанная Бургавом: лечится хорошо именно гиперурикемия - подагра и уратное поражение почек (в Европе уже были известны сведения о целебности *Colchium autumnale*), а сам Бургав страдал подагрой и лечился от нее.

К. Валишевский писал: "В момент смерти Петра Мария Румянцева была беременна его сыном, будущим героем другого великого царствования, победоносным генералом Екатерины II, в котором каждый мог легко узнать кровь великого царя" [45].

Заметим, что Румянцев-Задунайский в пожилом возрасте стал страдать таким тяжелым заболеванием ног, что, пролечившись во время войны с турками, вынужден был из-за болезни сдать командование армией. Нам не удалось окончательно установить, что это была именно подагра, но если бы это подтвердилось, то, по существу, отпали бы

последние сомнения в том, что Петр I со своей тяжелой почечнокаменной болезнью и ревматизмом в действительности страдал подагрой.

Интеллигенция Германии XVIII - XIX веков. Замечательной аналогией к той даровитой части английской аристократии и джентри, которую не удовлетворяло обеспеченное существование уважаемых сквайров, шедшей на тяжелейшую, опаснейшую и труднейшую морскую, военную или политическую государственную службу, является в Германии прослойка той пасторской и университетской интеллигенции, которая обеспечила расцвет германской мысли в XVIII - XIX веках, сделала Германию страной философов, мыслителей, поэтов, прежде всего на основе социальной преемственности.

Рассматривая династию Фейербахов, нам придется вспомнить о переплетениях родословных Фейербахов и Гете.

Тюбингенский профессор медицины Карл Бартили и его жена, дочь профессора-юриста Бургхарда, являются предками Уланда, Гельдерлина, Шеллинга; в родстве с этой семьей состоят Шиллер, Гауфф, Кернер, Мерике, Гегель, причем среди 110 мужчин - предков Гегеля - не менее 48 имели высшее образование. От виттенбергского реформиста Бренца происходят Уланц, Гауфф, Герок, выдающийся юрист Якоб Мозер, философ Целлер, поэт Людвиг Финк, местечковый староста XV века Иоганн Фаут были предками Шиллера, Уланда, Мерике, Гельдерлина, Фишера, Герока, Гегеля, Шеллинга, Макса Планка.

Почти ничего неизвестно о предках-женщинах, но можно не сомневаться, что имел место очень сильный брачный подбор, если не по образовательному цензу жены, то уж бесспорно по образовательному цензу и духовному уровню ее семьи. Семьи пасторов, преподавателей, ученых, как правило, были небогаты, скорее просто бедными, но высшее образование было почти обязательным для сыновей, хорошее домашнее образование - для дочерей. Вместе с тем, протестантство, в любых его вариантах, сурово осуждало малейшую бездеятельность, неполную отдачу, требовало неустанной работы, трудового, деятельного образа жизни. Протестантство идентифицировалось с протестом против роскоши, праздного времяпровождения, обеспечивало высокую престижность трудолюбия, образованности и образования, умственной деятельности.

Если теология оставалась паразитическим наростом, то социальный спрос на философию, поэзию, литературу, серьезную музыку, науки, естественные и гуманитарные, поддерживался на очень высоком уровне среди всей интеллигенции Германии XVIII - XIX веков. Переключение этой интеллигенции и ее потомства на технические и научные интересы, происшедшее после первой четверти XIX века - особая глава истории науки, техники и культуры. Диффузия промышленной революции из Англии, очевидная необходимость технического перевооружения промышленности и армии, осознание ничтожности 36 монархов, экономические сдвиги - все это застало в Германии уже сложившуюся, очень сильную, интеллектуально ориентированную массовую прослойку. Дворянство шло в армию, а Бисмарк и Мольтке распознали в этой еще не названной интеллигенции могучую силу. Во всяком случае, Мольтке заявил, что при Садовом (Кениггреце) победил прусский учитель. Несмотря ни на какие формы брачного подбора, решающую роль играла социальная преемственность.

Нечто подобное было написано о США в книге "Колыбели знаменитости", где показано, что знаменитый человек имеет в 500 раз больше шансов оказаться рядом с другой знаменитостью, чем "рядовой" гражданин США [46].

Все эти исследования, как и исследования школы Термана, Торранса и многих других, ни в коем случае нельзя оставлять без внимания, наоборот, они подлежат внимательному изучению и перечтению с позиции огромного значения социальной преемственности.

Слишком сложна и неизбежна рекомбинация генов, слишком сложны факторы социального подъема, слишком трудны барьеры, преграждающие развитие и реализацию наследственной одаренности, чтобы упомянутый только что поразительный коэффициент 500 можно было приписать генетическим факторам, к тому же зачастую полигенным и рецессивным. Слишком далек фенотип от генотипа в случае интеллектуальных особенностей. Но тем важнее детальное изучение средовых факторов, которые определяют огромный коэффициент, тем значительнее роль экзогенной стимуляции, полнота которой является подлинным "термометром" социальной справедливости в стране.

Иоганн Якоб Берцелиус (1779 - 1848). Основные работы Берцелиуса посвящены изучению соотношений, в каких соединяются элементы друг с другом, и развитию атомной теории. Он открыл селен, церий и торий, получил в чистом виде барий, стронций, кальций, тантал, кремний, цирконий, составил таблицы атомных весов, создал или развил электрохимическую теорию, ввел в обращение химическую номенклатуру и формулы, раскрыл явления полимерии и метамерии, написал шеститомный учебник химии, переведенный на многие языки. В течение 27 лет он составлял ежегодные отчеты об успехах химии; он считался одним из самых крупных ученых первой половины XIX века <...>.

Иоганн Якоб Берцелиус - великий химик, заболел подагрой еще в детстве. Он исчерпал себя к 39 годам, и надо полагать, его раннее творческое угасание ставит его в один ряд с теми великими подагриками, которых подвинула на невероятные подвиги эта болезнь, их же затем и словившая. Он прожил еще 30 лет, и, кроме подагры, отличался еще приступами чрезвычайной подавленности и неспособности работать.

А.П. Ермолов (1777 - 1861). А.П. Ермолов живет в "Смерти Вазир-Мухтара", в строке Пушкина. Он прославился в Бородинском бою тем, что отбил у французов батарею Раевского. Этот "проконсул кавказский" <...>, по матери двоюродный брат Дениса Давыдова, был ранен под Бородино, очень отличился при Кульме и вообще в 1813 году.

Командуя всеми русскими силами на Кавказе, он в 1818 году заложил крепость Грозный, организовал систему укреплений, зажавшую горцев с севера и юга, провел большое число дорог, сыгравших очень важную роль в победах над турками и персами. Он считался величайшим организатором России своей эпохи, "цезарем кавказским", и был устранил Николаем I, завидовавшим его славе. В русской литературе он известен пушкинской строкой: "Смирись, Кавказ, идет Ермолов", а также тем, что спас Грибоедова после восстания на Сенатской площади, предупредив его о предстоящем обыске и дав время уничтожить компрометирующие материалы. Для нас важно и то, что "во всю свою жизнь Ермолов соблюдал спартанскую умеренность".

Для нас представляет иллюстративный интерес замечание М. Погодина: "он никогда почти не бывал болен, до старости". Если бы мы не узнали раньше, из письма Д. Давыдова, о подагре Ермолова, то это замечание сразу оборвало бы наши дальнейшие поиски. <...>

Отто Бисмарк (1815 - 1898), "железный канцлер". <...> Здесь нет возможности излагать его деятельность, прогрессивную и реакционную: его дипломатию, внутреннюю (включая

дружбу с социал-демократом Лассалем) и внешнюю; его важную роль в быстром перевооружении прусской армии чрезвычайно скорострельным по тем временам игольчатым ружьем, заряжающимся с затвора, его роль в войне с Данией за Шлезвиг-Гольштейн; его роль в подготовке к прусско-австрийской войне, утвердившей Пруссию в качестве гегемона в Германии, с исключением из нее Австрии, дальновидность, с которой он после разгрома Австрии при Кенинггреце воздержался от предъявления к ней территориальных претензий, предвидя в ней на несколько лет вперед потенциального нейтрала, а на полвека вперед потенциального союзника. Можно вспомнить изречение: "Бисмарк делает Германию великой, а немцев маленькими". <...>

Деятельность Бисмарка общеизвестна, как и его многообразные дарования, исключительная работоспособность, энергия, решимость, напористость.

По-настоящему звезда Бисмарка взошла в 1862 году, когда он стал прусским премьер-министром. Свой знаменитый девиз "Великие проблемы наших дней решаются не голосованием и большинством, а кровью и железом" он подтвердил тремя войнами, приобретением Эльзаса и Лотарингии, а также объединением всей Германии под властью императора Вильгельма.

Бисмарк был, бесспорно, самой крупной политической фигурой второй половины XIX века во всем мире, во многом определившей события XX века <...>. О необычайной трудоспособности, поразительном уме, настойчивости, целеустремленности этого деятеля написано так много, что нам, придерживаясь правила - о самых знаменитых писать поменьше, остается только одно - документировать его подагру, которой он страдал с 1870 года и о которой среди прочих авторов сообщает Эндикс [47], упоминая о частых поездках Бисмарка на курорт Гастейн, где он лечился от терзавшей его подагры. Политические деятели специально ездили на встречу с ним именно на этот курорт, где он, чувствуя облегчение, был лучше настроен и более сговорчив.

Все перечисленные здесь примеры <...> статистически ровно ничего не значат. Они приводятся лишь для доказательства значительной доли подагриков не только среди гениев мировой истории и цивилизации, но и среди звезд не столь ярких, а также для демонстрации широты дальнейших поисков [48].

Анализ возникающих возражений

Может возникнуть подозрение, что высокий социальный уровень упомянутых выше деятелей обеспечивал им преимущественно мясную пищу и возможность злоупотребления вином, и подагра была не причиной, а следствием их достижений. Такое подозрение отверг в свое время Г. Эллис, показавший, что многие подагрики были чрезвычайно воздержанными во всех отношениях, а часть их, кроме того, отличалась исключительной физической подвижностью и работоспособностью.

В то же время, гаучо Южной Америки, питающиеся почти исключительно мясом, почти никогда не болеют подагрой. Многие подагрики заболели так рано, что излишества не могли быть причиной болезни, например, у Питта Старшего, наследственного подагрика, она развилась в 16 лет. Многие заболели еще до 30 лет, когда напряженная работа исключала какие-либо излишества. Как можно подозревать излишества в качестве причины подагры у аскетов - папы римского Григория Великого, Иоанна Кальвина или Мартина Лютера, у великих ученых-подагриков, безгранично много работающих, у полководцев, деливших со своими войсками все труды и лишения?

Можно перебрать перечисленных нами подагриков одного за другим, и обжорство встретится только у нескольких <...>. Наконец, во многих случаях устанавливается, что подагра является наследственной, а не благоприобретенной болезнью, и так как передача по материнской линии не может быть установлена, да и историческая летопись очень неполна, на один установленный наследственный случай должно приходиться 3-4 неустановленных.

Возникает вопрос, можно ли только на основании структурного сходства между кофеином, теобромином и мочевой кислотой делать вывод о сходстве их действия на мозг? Прежде всего, следует заметить, что сходство структур в данном случае действительно сопровождается сходным действием. Миллионы людей веками, когда надо было "шевелить мозгами", сдавать экзамены, решать трудную задачу, отгонять сон и мобилизовать умственные способности, интеллект, пили либо кофе, либо крепкий чай (настоящие!), и, не задумываясь о структурном сходстве кофеина и теобромину, добивались нужного результата - стимуляции мышления. Что до мочевой кислоты, помимо ее сходства с кофеином и теобромином, создается впечатление, что, вырабатывая механизм ее сохранения в крови, эволюция действительно как бы переориентируется на развитие мозга и умственных способностей.

Наконец, существуют и прямые данные о корреляции между уровнем мочевой кислоты в крови и интеллектуальной отдачей у людей умственного труда. Вовсе не мы, а Г. Эллис в 1927 году дал четкую характеристику специфических особенностей подагрического гения. Она оказалась столь эффективной, что в нашей работе, перебирая выдающихся деятелей истории и культуры, мы могли с очень большой точностью выбирать по типологии, по характеру тех, у кого было больше шансов оказаться подагриком. <...>

Поскольку эволюционная утрата уриказы и сохранение мочевой кислоты в крови на довольно высоком уровне, повидимому, действительно сыграли роль в появлении сообразительных приматов и в усилении "мозгового" направления эволюции, следует подчеркнуть, что подагричность и предшествующая ей многолетняя гиперурикемия могли оказывать сильнейшее влияние на умственную активность. <...>

Предположение, что активно работающий мозг способствует усиленному образованию мочевой кислоты и, таким образом, причинная связь не гиперурикемия - умственная активность, а наоборот умственная активность - гиперурикемия, легко опровергается: гиперурикемия вызывается, как правило, дефектом почечной экскреции. <...>

И здесь надо, наконец, подчеркнуть чрезвычайно важный факт: лишь у малой доли обладателей очень высокого уровня мочевой кислоты развивается подагра[49]. Большинство гиперурикемиков, обладая этим сильнейшим постоянным допингом, не испытывает его многовредного действия. Гиперурикемия работает в качестве внутреннего допинга в несколько раз чаще, чем это следовало из соответствующих таблиц...

Это подтверждают не только табличные данные по малой частоте подагры даже при сильной гиперурикемии, но и генеалогические сведения. Самые убедительные - выдающееся потомство аскета-подагрика султана Османа, от которого султанство переходило по вертикали 13-ти поколениям энергичнейших потомков, среди которых было 5 подагриков и 8 несомненных передатчиков предрасположения, то есть гиперурикемиков. У гениального неподагрика Вильгельма Молчаливого от трех жен появились гениальные же подагрики, из чего следует с большой вероятностью, что он был передатчиком, то есть гиперурикемиком. Судя по характерологии Пипина Короткого,

Карла Мартела, Пипина Герштальского, не исключено, что именно от них перешло к Карлу Великому гиперурикемическое предрасположение. <...>

Подагричность далеко не всегда порождает ум и энергию, что вполне закономерно, и некоторые имена в списке подагриков это иллюстрируют. Эти свойства, конечно, могут быть блокированы бесчисленными средовыми факторами, так же как и бесчисленными экзогенными и эндогенными причинами, в том числе - наследственными дефектами, как бы "эпистатичными" по отношению к стимулирующему умственную активность действию гиперурикемии.

У скептиков могут возникнуть сомнения в правильности старых диагнозов подагры. Но дифференциальная диагностика подагры была установлена еще Гиппократом, методы специфического лечения были известны еще в Древнем Египте <...>.

В фундаментальном, хотя и устаревшем третьем издании "The metabolic basis of inherited disease" Уингаардена и Колли 1972 года в томе "Подагра" (библиография из 923 названий) имеется множество данных по биохимии и генетике гиперурикемии и подагры с классификацией биохимических нарушений: биохимические дефекты еще не определены, наследование либо полигенное, либо аутосомно-доминантное (по нашей терминологии поли-локусное - пониженное выделение мочевой кислоты могут вызвать мутации в любом из множества локусов, контролирующих обмен и нормализующих ее вывод). Приведем несколько выдержек: "Клинические описания подагры можно проследить по древней медицинской литературе. Древнегреческие и римские врачи обладали точным знанием ее различных проявлений. В V веке до н.э. Гиппократ описал эту болезнь как подагру, хейрагру или гонагру, в зависимости от того, были ли поражены большой палец ноги, кисть руки или колено. Тофусы были впервые описаны Галеном (131 - 200 г. н.э.).... Колцихин был известен византийским врачам уже в V веке н.э. под названием "гермодактиль" (палец Гермеса). Лекарство, вероятно, идентичное колцихину, было описано в папирусе Эберта (1500 г. до н.э.). *Colchicum autumnale* был введен в Европе в 1760 году бароном Антоном фон Шторх, врачом императрицы Марии Терезии, а в Северной Америке Бенжаменом Франклином. Заметим, что термин "колхикум", вероятно, относится к Колхиде, нынешней Грузии".

"Современная клиническая история подагры была начата Томасом Сиденгамом, непревзойденное описание болезни, базирующееся на 34 годах собственного заболевания, впервые дало ясную дифференциальную диагностику подагры в отличие от прочих суставных заболеваний.

Трудно улучшить сиденгамовское описание острого приступа подагры: "Жертва ложится в постель в полном здравии. Около двух часов ночи она просыпается из-за острой боли в большом пальце ноги; более редкая - в пятке, локте или подъеме. Боль подобна боли при вывихе, и все же чувство такое, как будто на пораженные места льется холодная вода. Затем следует озноб, дрожь и небольшой жар. Боль, сначала умеренная, становится более сильной. С ее усилением усиливается озноб и дрожь. Через некоторое время все это достигает наибольшей высоты, распространяясь на кости и связки предплюсны и плюсны. То ощущается сильнейшее растяжение, разрывание связок, то это грызущая боль, то это давление и натяжение. Теперь чувствительность пораженной части настолько сильна и жива, что она не может переносить ни тяжесть одеяла, ни толчки от чьего-то хождения по комнате. Ночь проходит в попытке, бессоннице, поворачивании пораженной части и постоянного изменения позы; повороты туловища столь же непрерывны, как боли в сочленении, подвергающемся пытке, и ухудшающемся по мере нарастания приступа. Отсюда напрасность попыток ослабить боль изменением положения тела или

пораженного сустава... Приступ обычно проходит спонтанно за несколько дней или недель, и обычно полное выздоровление после первого приступа".

Заметим, что еще кто-то из древних авторов упоминал о том, как некий больной в промежутке между приступами стал чемпионом Олимпийских игр по бегу - свидетельство не только полной ремиссии, но и упорства, воли подагрика.

"Около 50% случаев первого приступа приходятся на большой палец ноги, и иногда первый приступ возникает в больших пальцах обеих ног. 90% подагриков в ходе болезни испытывают приступы в большом пальце ноги".

"В течение столетий подагра вербовала больных среди королей, и жертвы подагры были излюбленным объектом карикатур, романов и биографий. Многие авторы составляли списки выдающихся деятелей истории, страдавших подагрой". <...>

Все эти выписки нужны для того, чтобы отвести естественно возникающее сомнение в точности диагноза: поскольку подагру умели не только диагностировать еще в Древнем Египте, но и нашли высокоспецифическое средство ее лечения (колцихин), поскольку ее выделил из группы ревматизмов еще Гиппократ, поскольку не удалось после Сиденгама (1735) существенно уточнить описание первого острого приступа, поскольку для подагры в первые годы характерно именно приступообразное течение, следует полагать, что дельные врачи всех времен умели диагностировать подагрические боли, отличая их, например, от хронических, непрерывных болей при сухой гангрене пальцев ноги или ступни, или от вызванных отложениями солей шпор, либо подвывихов пальцев стопы, и, наконец, от менее сильных ревматических болей. Чрезвычайная острота болей в большом пальце привела к тому, что подагра изображается в виде ужасающего краба, впивающегося клешнями в этот палец.

Следует отметить, что длительное пренебрежение колхицином, поразительно лечащим подагру, что знали древнеегипетские врачи, вызвано тем, что *Colchicum autumnale* по виду схож с другим растением, экстракт из которого обладает слабительным, но не противовоспалительным действием.

Приведенные старые, классические описания типичных острых подагрических приступов устраняют подозрения в том, что в прошлом могли иметь место сколько-нибудь частые диагностические ошибки, например, спутывание с сухой гангреной, ревматизмом и т.д.

Некоторые итоги

Если после всего сказанного оглядеть прошлое, так сказать, с "птичьего полета", то можно заметить далеко не постоянную, но все же четкую закономерность: в периоды относительного покоя, равномерного, плавного развития, подагрики, разумеется, тоже имеются, но как-то не особенно выделяются, не очень заметны. Все судьбы четко предопределены социальными, классовыми, кастовыми рамками.

Но возникает кризис, будь то становление или распад этноса, революции, завоевания, возрождение, реформация или контрреформация, становление или освобождение нации, возникновение новых наук, нового искусства - и в первых рядах оказываются именно подагрики, с частотой в десятки и даже сотни раз превышающей их частоту среди населения.

Легендарный, героический период Греции - среди первых героев подагрики Приам, Ахилл, Улисс, Беллерофон, Эдип. Борьбу между Карфагеном и Грецией за сицилийских греков возглавляет подагрик Гиерон Сиракузский.

Становление македонского королевства и завоевание великой персидской империи: во главе вероятный подагрик Филипп Македонский и очень рано заболевший подагрой Александр Македонский.

Рим - лучшие полководцы, "императоры" - почти все подагрики. Кризис римской республики и становление империи. В числе 5 - 6 крупнейших деятелей забытый, но великий Марк Агриппа. Становление римско-католической церкви - во главе подагрик Григорий Великий. Создание империи франков - во главе подагрик Карл Великий.

Кризис империи турок-османов, названных так по основателю подагрической династии Осману, дело которого продолжили подагрики или ее передатчики Орхал-бей, Баязид I, Магомет I, Мурад II, Магомет II Завоеватель, Баязид II, Мурад IV. Останавливают нашествие турок подагрик-гиперурикемик Янош Хуньяди, подагрик Матвей Корвин, подагрик император Карл и подагрик король Ян Собеский.

Кризис Возрождения. В числе вождей - подагрики Козимо и Лоренцо Медичи, Микеланджело. Век великих географических открытий - во главе подагрик Колумб.

Кризис гуманизма, реформации и контрреформации: среди вождей подагрики Томас Мор, Эразм Роттердамский, Мартин Лютер, укравший его саксонский курфюрст Фридрих III Мудрый, отказавшийся от императорской короны, И. Кальвин, Карл V, Филипп II, подагрики Гизы, Генрих IV, Генрих VII, Генрих VIII Тюдоры, кардинал Уольси, Берлей, Александр Фарнезе.

Кризис тридцатилетней войны: в десятке крупнейших деятелей подагрики Валленштейн, генералиссимус Торстенсон, Конде Великий, Мазарини. Революцию в Англии возглавляет подагрик Кромвель, кризис наступательных войн - подагрик Людовик XIV, подагрики Кольбер, Конде Великий, Тюренн, Морис, маршал Саксонский, Вильгельм III Оранский, Джон Черчилль-Мальборо.

Кризис Великой северной войны, вступление России в ряды великих держав, устранение из них Швеции - главные действующие лица подагрики Петр I, Карл XII, Август Сильный.

Кризис становления Пруссии: подагрики "Великий курфюрст", его подагрический внук король Фридрих Вильгельм, подагрические правнуки Фридрих I и Генрих Прусский.

Кризис борьбы Франции и Англии за господство в Ост-Индии и Северной Америке. С английской стороны - победоносные подагрики Питт Старший и Клайв.

Кризис отпадения американских колоний от Англии. Среди 4-6 главенствующих личностей - подагрики Питт Старший и Б. Франклин.

Великий длительный кризис становления самостоятельных объединенных наций. Его возглавляет во Франции подагрик Людовик XI, в Англии подагрики Тюдоры и Елизавета со своими подагрическими министрами Берлеем и его сыном, в России подагрики Иван III, Борис Годунов, Петр I.

На национальной идее рушится универсальная монархия Габсбургов, в Голландии идею воплощает Вильгельм Оранский, по-видимому, не подагрический предок доброго десятка подагрических гениев. Среди предшественников идеи равенства, братства и свободы во Франции оказываются подагрики д'Аламбер и Б. Франклин.

Кризис революционных и наполеоновских войн. Подагричность Наполеона I очень сомнительна, но его самый выдающийся маршал Бертье - бесспорный подагрик, как и его главный, самый упорный противник Питт Младший, организатор все новых антинаполеоновских коалиций, не жалеющий никаких средств ни на субсидии континентальным державам, ни на создание вездесущего, сильнейшего военного флота.

Становление великой колониальной Англии. Сменяется вереница энергичнейших, необычайно талантливых, знающих, предприимчивых премьеров-подагриков от Р. Уолпола и обоих Питтов до Каннинга, Дерби, Пальмерстона, Дизраэли. Кризис объединения Германии, войны с Данией, Австрией, Францией. Среди главных деятелей подагрики Бисмарк и Вильгельм I.

Кризис возникновения естествознания, математики, физики и химии. Среди крупнейших деятелей подагрики Галилей, Ф. Бэкон, Лейбниц, Ньютон, Гарвей, Якоб и Иоганн Бернулли, Бойль, Волластон, Берцелиус, Дарвин. Эру двигателей внутреннего сгорания возглавляет подагрик Дизель.

Среди величайших философов - подагрики Монтень, Мальбранш, Кант, Шопенгауэр. Среди величайших художников, скульпторов, композиторов, поэтов, писателей подагрики Мильтон, Гете, Пушкин, Тютчев, Микеланджело, Рембрандт, Рубенс, Ренуар, Бетховен, Мопассан, Тургенев, Блок.

Можно было бы назвать еще два десятка кризисов и не менее двухсот неподагрических гениев. Но нельзя объять все, и существует роковая неполнота патографий. Кого из биографов интересовало, чем именно переболел описываемый деятель?

Но ведь сразу за подагрическими "гениями" выстраивается длинный ряд гигантоголовых (начиная с Перикла и не кончая Бернсом), гигантолобых (Маркс, Энгельс, Ленин), и очень высоколобых "гениев". За ними следует длинный ряд гипоманиакально-депрессивных гениев и небольшая группа "гениев" подагрически-маниакально-депрессивных. Малочисленна пока, но будет расширяться, группа гениев-танталов с гипердреналиновым синдромом Марфана, в которую все же уже вошли такие значительные и разные деятели как Авраам Линкольн, Г.Х. Андерсен, К.И. Чуковский, ихтиолог Г. Никольский, В. Кюхельбекер.

Но гений Жанны д'Арк, быть может, указывает на мощное стимулирующее действие не связанного органами-мишенями мужского полового гормона (наследственный синдром тестикулярной феминизации).

Разумеется, дело вовсе не в том, что эти гении, таланты, и только они, выполняют задачи социума. Социум господствует, но поставленные им задачи непомерно часто выполняют именно те, которым и социум, и внутренние особенности дали возможность развить и реализовать свой "гений", решая поставленную или возникшую перед ними сверхзадачу. И если наши списки пестрят знатью, то только потому, что она узурпировала, монополизировала и возможности развития своего таланта, и возможности его реализации. Бесчисленны, однако, те, кто, имея эти возможности, их не использовал. Но то, что сделано, ясно показывает гигантские резервные возможности ума, которые не

используются из-за неудовлетворительного состояния социума, его несоответствия потребностям эпохи, неспособности задать начальную стимуляцию, оптимизировать развитие и реализацию таланта. <...>

Нетрудно видеть, что в любой области подагрики не только первые из первых, но их частота в десятки раз превышает частоту подагры среди немолодого, пожилого и старого населения, даже живущего в условиях пищевого и алкогольного изобилия. Необычайное разнообразие областей, в которых лидирующие места занимали подагрики, - великолепное доказательство того, какую огромную роль играет целеустремленная мобилизация и активация интеллекта в великих свершениях.

Синдромы Марфана, Морриса и андрогены

Синдром Марфана

Синдром Марфана, особая форма диспропорционального гигантизма, - результат системного дефекта соединительной ткани; наследуется доминантно, т. е. по вертикальной линии, но с очень варьирующими проявлениями. При полном проявлении наблюдаются: высокий рост при относительно коротком туловище, огромные конечности, арахнодактилия (длинные паукообразные пальцы), вывих хрусталика. Крайняя худоба и деформированная грудная клетка могут сопровождаться пороком сердца и аневризмой аорты.

Но при этом тяжелом, редком заболевании (1: 50 000), существенно сокращающем продолжительность жизни, имеет место повышенный выброс адреналина, который поддерживает высокий физический и психический тонус, поэтому оно подарило человечеству по меньшей мере пять поразительных личностей, хотя мы уверены, что систематические поиски обнаружат еще немало крупных деятелей с этой аномалией. <...>

Авраам Линкольн (1809 - 1865). <...> Этот лесоруб, ставший адвокатом, а затем и президентом США, с необычайной настойчивостью, энергией, выдержкой, здравым смыслом, храбростью и целеустремленностью провел тяжелейшую войну за освобождение негров. При обезображивающей худобе, он обладал огромной физической силой и выносливостью, необычайно деятельным, находчивым умом, блестящим талантом оратора-импровизатора: его экспромтом сказанная речь на Геттисбергском кладбище вошла в энциклопедии как образец мудрости и яркости. Он и поныне считается самым крупным, почитаемым и любимым президентом США. В краткой американской биографии А. Линкольна (1860) говорится: *"Став членом Конгресса, он начал изучать и почти изучил шесть книг Евклида. Желая развить свои способности, в особенности силу логики и красноречие, он начал курс жесткой умственной дисциплины, отсюда его любовь к Евклиду, которого он возил с собой в поездках до тех пор, пока не смог легко доказывать все теоремы шести книг; он часто занимался до глубокой ночи, со свечой около подушечки, пока его коллеги-адвокаты, полдюжины в комнате, заполняли все бесконечным храпом"*.

А вот выдержки из характеристики Б. Дэнема: *"К счастью, во времена Гражданской войны у нас был выдающийся по своему уму и по своим административным талантам государственный деятель и при этом самый добрый и отзывчивый человек, когда-либо занимавший президентское кресло, - Авраам Линкольн. <...> Он считал власть бременем, а практическое применение ее - долгом, который только в редких случаях можно осуществлять безболезненно. <...> Линкольн спас нацию, потому что представлял Север, он служил человечеству, потому что спас нацию"*[50]. <...>

Ганс Христиан Андерсен (1805 - 1875). Внук сумасшедшего деда, рано осиротевший сын полунищего сапожника и малограмотной матери, этот редкостно нескладный и уродливый мальчик из провинциального городка вовсе не был универсально одарен: несмотря на великолепную память и постоянные путешествия, он так и не сумел научиться ни одному иностранному языку. Он поздно начал учебу и по робости еле сдал в 23 года экзамен в Копенгагенский университет. Задолго до этого он безуспешно пытался стать танцором, певцом, актером, драматургом. Тем не менее, этот неудачник ("Сказка моей жизни") стал на полтора века (а может быть, и на многие века) любимым писателем детворы, одним из известнейших писателей всего мира. <...>

Он был необычайно раним, обидчив, нетороплив, но уже в школе проявил совершенно поразительную трудоспособность и необычайно быстро схватывал суть и все нужное из просматриваемых им книг, прекрасно рисовал, обладал неисчерпаемой фантазией, изумительно быстрым юмором. Когда прошел юношеский период попыток "с налету" стать драматургом, он стал отделять свои вещи с необычайным упорством. Написав сказку, он принимался обрабатывать ее, взвешивая каждое слово, оживляя каждую фразу и переписывал до тех пор (иногда раз десять), пока не удавалось разработать все до малейших подробностей, достигая предельной яркости.

Психопатичность Андерсена несомненна: "Основной чертой, преобладавшей в настроении Андерсена, была меланхолия и нервная раздражительность" [51]. Но, вместе с тем, он "был в действительности человеком, прекрасно знавшим свет и людей, практичным, умным, экономным и предусмотрительным" [52]. Конечно, нищета, преследовавшая его до 30 лет, могла привить ему эти качества.

Андерсен был очень высок, имел очень длинные ноги и руки (отец его тоже был очень высоким), угловатое, уродливое лицо. Первое впечатление: "Меня почти болезненно поразила в первый момент гротескная безобразность его лица, кистей, и его невероятно длинные машущие руки [53]... Он был высок, худощав и крайне своеобразен по осанке и движениям. Руки и ноги его были несоразмерно длинны и тонки, кисти рук широки и плоски, а ступни ног таких огромных размеров, что ему, вероятно, никогда не приходилось беспокоиться, что кто-нибудь подменит его калоши. Нос его был так называемой римской формы, но тоже несоразмерно велик и как-то особенно выдавался вперед... Зато очень красив был его высокий. открытый лоб и необычайно тонко очерченные губы" [54]. <...>

"Тревога, которая подспудно всегда была, даже в его радостные дни, пробивалась в виде множества фрагментарных и специфических страхов - болезни, пожара, кораблекрушения, опоздания на поезд, потери паспорта, попадания письма не в тот конверт, забывания важных бумаг в книгах, оставления свечей непогашенными, того, что обидит людей, приема ошибочной дозы лекарства, аэрофобии. Однажды молодой друг, с которым он путешествовал, опоздал на полчаса и нашел Андерсена в отчаянии: в течение получаса он успел вообразить, что юноша ранен, затем мертв, он передал известие пришедшей в смятение семье, организовал похороны и был почти так же измучен происшедшим, как нормальный человек, если бы все так произошло в действительности. Ему не помогало сознание, что эти страхи - болезнь [55]. <...>

При всем упорстве и энергии Андерсена, он не стал бы столь выдающимся творцом, если бы не несколько счастливых обстоятельств. Ганс Христиан был необычайно нервозен, он не мог заниматься у местной учительницы, где его дразнили другие школьники. Его отдали в школу для бедных еврейских мальчиков, устроенную в Одензе почтмейстером Феддером Карстенсом [56]. Карстенс как заинтересовался Гансом Христианом, что стал

давать ему отдельные уроки, брал на прогулки со своими сыновьями, по дороге рассказывая обо всем интересном, что было на лугах и в лесах. Андерсен всегда помнил своего учителя, посылал ему все свои книги (а тот впоследствии гордился, что был его первым учителем). Затем последовала дружба и помощь семьи Коллинов - пожалуй, решающий фактор в реализации таланта Андерсена. <...>

Трудно представить себе что-либо более нелепое, нежели тощего гиганта Ганса Христиана Андерсена с его огромными ногами и руками перед балериной Шалль, в ее гостиничном номере, танцующего Сандрильону, без сапог (чтобы не шуметь), со шляпой вместо бубна в руке. Но он пробовал и это, и многое другое, прежде чем нашел себя. "Гадкий утенок не знал, в чем именно он станет лебедем". <...>

Шарль де Голль (1890 - 1970). Родился в чрезвычайно интеллигентной, одаренной, глубоко религиозной семье. Его отец, тесно связанный с высшей интеллигенцией Франции (хотя и был антидрейфуссаром), был ранен в войне 1870 - 1871 годов, и гербом Шарля де Голля стал лотарингский крест, символ реванша за это поражение.

Все четверо братьев де Голлей отличились в первой мировой войне и были награждены орденами. Но Шарль после трех ранений раненым же попал в плен, после трех неудачных побегов был отправлен в Ингольштадтский форт для особо опасных беглецов, где познакомился и сдружился с другим опасным беглецом - "рецидивистом", молодым русским офицером Михаилом Тухачевским. В плену все они не утратили инициативы, читали друг другу лекции по различным вопросам военного дела и разным видам оружия. Де Голль изучил немецкий язык. В 1920 году де Голль сопровождал генерала Вейгана в Польшу тогда, когда Варшава вот- вот должна была пасть под ударами Красной Армии, руководимой "милым Мишей" (Тухачевский стал командовать армиями в 26 лет); эта французская миссия сыграла большую роль в так называемом "чуде на Висле" - отражении Красной Армии, а Вейган отметил в приказе заслуги де Голля.

Де Голль, несомненно, еще в молодости резко выделялся не только храбростью, решительностью, знанием дела, но и огромным, деятельным интеллектом. Засвидетельствовано, что командующий пехотными силами Маттер в 1927 году, направляя де Голля командиром стрелкового батальона, сказал своему другу: *"Я только что дал назначение будущему генералиссимусу французской армии"*. <...> Если Людовик XIV говорил о себе: "Государство - это я", то о де Голле Кларк написал книгу "Человек, который есть Франция"[57]. Во всяком случае, де Голль все четыре года пребывания Франции под нацистским ярмом воплощал свободную, сражающуюся Францию. Когда Франция, наконец, была освобождена, в ней почти сразу началась острая партийная борьба. 20 января 1946 года де Голль отказался от президентской власти. Уйдя от дел, он написал в 1951-1958 годах свои военные мемуары. <...>

Когда после многих лет "отсутствия" де Голль счел нужным предложить свои услуги народу, за него проголосовало 80% избирателей, и он, несмотря на все препятствия, действительно создал новую, сильную Францию. <...>

Де Голль был худощав и стоя был очень высок, примерно на голову выше окружающих, непропорционально узкоплеч, и вовсе не казался особенно высоким сидя. У него были необычайно длинные ноги, длинные руки, узкое вытянутое лицо и резко выступающий вперед нос. <...> Его гигантизм отнюдь не имеет гипофизарного характера. Это совершенно особая конституция, и на портрете его сына лейтенанта де Голля можно ясно видеть, что типичная узкоплечность, длиннорукость, резко выдвинутый нос от отца

перешел к нему. Подчеркнем, что последующее - лишь маловероятная гипотеза, умолчать о которой, однако, нельзя.

Перенесение им постоянных физических тягот, активнейшая военная жизнь при столь нескладной конституции говорит о каком-то особом источнике физической энергии. Поведение его нетрадиционно, нетрафаретно, в то время как пронизательность и интеллект необычайны, что включает его в ранг десятка самых крупных деятелей первой половины XX века. Мы вынуждены с некоторой долей вероятности подозревать у него синдром Марфана - Линкольна, оговаривая, что в данном случае рассчитываем скорее на опровержение, чем на подтверждение.

К.И. Чуковский (1882 - 1969). Мы приносим свою глубокую благодарность Д.С. Данину, который, прочитав нашу рукопись, указал нам на то, что внешним и внутренним обликом, соответствующим синдрому Марфана, обладал К.И. Чуковский.

Необычайная, почти фантастическая работоспособность К.И. Чуковского прослеживается еще с юности, когда он, работая маляром, готовился к сдаче особо трудного для экстернов экзамена на аттестат зрелости, невероятно много читал, самоучкой овладевал английским языком. <...>

Высокий рост, длиннорукость, длинноноготь, крупные кисти рук Чуковского видны на фотографиях в книге "Воспоминания о Корнее Чуковском"[58], однако есть и еще "мелочи", которые объединяют его с А. Линкольном и Г.Х. Андерсеном - это крупный, резко выступающий вперед нос. Его внешность была так своеобразна, что ей уделил место почти каждый автор "Воспоминаний о Чуковском". <...> В доме Чуковского гостей встречала надпись: *"Прошу даже самых близких друзей приходить только по воскресеньям"*, и далее *"Дорогие гости, если бы хозяин этого дома даже умолял вас остаться дольше десяти часов вечера - не соглашайтесь!"* Ведь ему нужно работать, ведь работает он поражающе много [59]. *"Я всю жизнь работаю. Как вол! Как трактор!"*[60] <...>

Корней Иванович начинал свой рабочий день очень рано. Город спал, еще не зажигался свет в окнах домов, на улицах пустынно, а он уже садился за письменный стол. <...> *"От всякого горя он уходил в свои занятия до изнеможения"*[61]. В. Левик озаглавил воспоминания о К.И. Чуковском *"И все это сделал один человек"* [62].

"Трудность моей работы заключается в том, что я ни одной строчки не могу написать сразу. Никогда я не наблюдал, чтобы кому-нибудь другому с таким трудом давалась самая техника писания. Я перестраиваю каждую фразу семь или восемь раз, прежде чем она принимает сколько-нибудь приличный вид"[63]. Общий тираж его книг - более 160 миллионов и неуклонно возрастает. Приведем справку: из русских писателей звания почетного доктора филологии Оксфордского университета удостоились - Жуковский, в 1879 году Тургенев, и прошло почти столетие, прежде чем этого звания удостоились еще двое: К.И. Чуковский и Анна Ахматова. Но если уж пришлось помянуть эту четверку, то напоминаем, что Тургенев был подагриком.

"Работа в жизни Чуковского занимала главное место, он трудился ежедневно помногу часов, не делая скидок ни на возраст, ни на бессонницу, которой страдал смолоду"[64]. *"Если бы вы знали, до чего мне трудно работать. Непрерывная маета над тем, чтобы найти единственно верное слово. Иной раз три часа кряду сидишь за столом - и три фразы родишь. Это все, что осталось от исписанной одной-двух страниц"*[65] <...>

Мы почти уверены, что синдром Марфана был у В. Кюхельбекера.

Синдром Морриса, Жанна д'Арк, андрогены

В длинном ряду исследований была отмечена исключительная деловитость, физическая и умственная энергия женщин с тестикулярной феминизацией (синдромом Морриса) - наследственной нечувствительностью периферических тканей к маскулинизирующему действию мужского гормона семенников. В результате этой нечувствительности дородовое и послеродовое развитие организма, обладающего мужским набором хромосом (46/XY) и семенниками, парадоксально идет по женскому направлению. Развивается псевдогермафродит - высокая, стройная, статная, физически сильная женщина без матки, с малым влагалищем, семенниками, конечно, не менструирующая и не рожаящая, но в остальном способная к сексуальной жизни и сохраняющая нормальное влечение к мужчинам.

В силу бесплодия псевдогермафродитов, носителей мутации, эта аномалия очень редка среди населения (порядка 1:65000 среди женщин). Псевдогермафродитизм должен был бы породить тяжчайшие психические травмы, но эмоциональная устойчивость этих больных, их жизнелюбие, многообразная активность, энергия, физическая и умственная, просто поразительны. Например, по физической силе, быстроте, ловкости они настолько превосходят физиологически нормальных девушек и женщин, что девушки и женщины с синдромом Морриса (легко определяемые по отсутствию полового хроматина в мазках слизистой рта) подлежат исключению из женских спортивных состязаний.

При редкости синдрома он обнаруживается почти у 1% выдающихся спортсменок, т. е. в 600 раз чаще, чем можно было бы ожидать, если бы он не стимулировал исключительное физическое и психическое развитие. Прокоп называет десяток замечательных спортивных "амазонок" с этим синдромом [66].

Гигантизм при синдроме Марфана бросается в глаза и прослеживается в потомстве, тогда как тестикулярная феминизация очень интимна и больные ею потомства не оставляют <...> Тем удивительнее, что все же в истории есть одна необычайно много совершившая девушка-героиня с этим синдромом.

Жанна д'Арк (1412 - 1432) была высокого роста, крепко сложена, исключительно сильна, но стройна и с тонкой женственной талией, ее лицо тоже было очень красиво. Общее телосложение отличалось несколько мужскими пропорциями. Она очень любила физические и военные упражнения, очень охотно носила мужскую одежду. У нее никогда не было менструаций, что позволяет нам по совокупности других особенностей через пять с половиной веков уверенно ставить Жанне д'Арк диагноз тестикулярной феминизации - синдрома Морриса.

Предельно увлеченная своей борьбой за освобождение Франции, она была сожжена на костре в Руане в 19 с небольшим лет, будучи девственницей. Ее энергия, решительность, храбрость, ум, проявившиеся при прибытии ко двору, во время освобождения Орлеана, в сражении при Пате, при походе на Реймс, находчивость и героизм, логичность, последовательность, упорство и воля, здравый смысл, особенно проявившиеся во время суда и казни, поразительны. Она нашла в себе мужество взять обратно свое отречение и тем обречь себя на сожжение живой вместо гораздо менее мучительной обычной смерти через повешение или, может быть, "пожизненной" тюрьмы, из которой ее могли бы вскоре освободить победы Франции. <...>

Цвета Жанны д'Арк становятся цветами знамени французской республики. <...> Если есть в истории такой случай, когда одно-единственное лицо круто изменяет ход событий, то это именно появление Жанны д'Арк к концу уже проигранной Столетней войны и, благодаря этому, осознание французами себя как нации. Конечно, внутренняя сущность Жанны д'Арк не сводится к синдрому тестикулярной феминизации. В духе века она была экзальтированно-религиозна, над ней довели импрессионизм детства и юности, когда жителям пограничной деревушки Домреми приходилось много раз спасаться от грабительских набегов англичан и бургундцев. Она была преисполнена "великой жалости к Франции". Но основным источником ее потрясающей стойкости, героичности, находчивости, ума, рассудительности, здравого смысла, даже практической сметки в неожиданных ситуациях, исключительной выдержки, конечно, является синдром тестикулярной феминизации. <...>

Синдром Морриса описан уже много десятилетий назад, но только привлечение медицинской генетики позволило понять диагностическое значение отсутствия менструаций у прекрасно сложенной, сильной, красивой, удивительно умной и энергичной девушки. И основная загадка этой величайшей героини, величайшей гордости Франции, круто изменившей ход истории, сохранившей человечеству одну из сильнейших наций, разрешается естественно-научным методом генетического анализа. <...>

Совершенно непреложно стимулирующее, тонизирующее действие несвязанных тканями-мишенями андрогенов, так ярко проявившееся у Жанны д'Арк, на множестве менее ярких примеров продемонстрированное в типичных случаях синдрома Морриса, заставляет обратить внимание на роль андрогенов и секса в жизни великих деятелей.

Парадоксальным образом именно у выдающихся женщин часто имеется четко выраженная мужская характерология. Такова Елизавета I Тюдор, Христиана Шведская, дочь султана Адольфа (?? - так в оригинале - V.V.), Аврора Дюдеван (Жорж Санд), немецкая поэтесса Аннета Дросте-Гюльсгоф, когда-то знаменитая теософка Блаватская и многие другие.<...>

В качестве одного из гипотетических механизмов можно предположить дисбаланс гормонов коры надпочечников с повышенным выделением андрогенов. Если это происходит в критические фазы эмбрио- и фетогенеза мозга, по-видимому, происходит переориентация психики в мужском направлении.

Так, были изучены 22 девочки в возрасте 10 - 12 лет, матери которых во время беременности подвергались действию андрогенов. Это дородовое гормональное воздействие привело к тому, что девочки выросли "сорванцами", драчливыми, предпочитающими куклам мальчишеские игры [67]. По другим данным, неправильное дозирование половых гормонов во время беременности приводит к тому, что у родившихся мальчиков развивается склонность к гомосексуальности.

Синдромы Марфана и Морриса исключительно редки. Но они "прокладывают путь" к прочим, гораздо более частым, гормональным механизмам гениальности. Например, особое место занимает необычайная энергия и сила воли, порожденная сексуальным воздержанием (одним из примеров является монах Гильдебранд - папа Григорий VII) или, может быть, высокой сексуальностью.

Одного из величайших, многостороннейших деятелей древности, Юлия Цезаря, называли "мужем всех жен и женой всех мужей", а при его триумфальном въезде в Рим спрятавшиеся насмешники кричали: "Граждане, прячьте жен, едет лысый развратник".

Безудержной сексуальностью отличались Генрих II Плантагенет, Ярослав Мудрый, Атилла, Чингиз-хан, Гаральд Гарфагар,,Иван Грозный, Август II Сильный, Генрих VIII Тюдор, Генрих IV Бурбон, Петр I, Екатерина II, Жорж Санд, Байрон, Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Мюссе, Бальзак, Гейне, Мопассан, Блок, Есенин, Маяковский, Лев Толстой и многие другие. У многих повышенная сексуальность сохранялась до глубокой старости (Гете), и если биографии многих замечательных деятелей свидетельствуют о полной или почти полной сублимации секса творчеством (Кант, Бетховен), то когда-нибудь появится возможность рассмотреть и этот возможный источник творческой потенции, столь ярко проявившийся у аскетов-подвижников, священников, монахов; <...>

До сих пор мы избегали рассматривать влияние сексуальности на творчество мужчин. Дело в том, что интенсивность сперматогенеза и продукции гормонов чрезвычайно изменчива. Соответственно, "норма" сексуальной активности мужчин чрезвычайно условна. Наличие евнухов с огромной умственной активностью (Нарзес, Абеляр, Ага-хан и многие другие) показывает, что продукция мужского гормона не является абсолютно необходимым условием. <...>

Об этой стороне жизни великих людей становится известно только в тех случаях, когда они очень часто или скандально меняют своих спутниц, и пока эта проблема остается белым пятном. Но что излишества гасят творческую энергию - неоспоримо. <...>

Вопрос о том, играет ли повышенный уровень мужских гормонов у мужчин роль такого же мощного внутреннего допинга, как при синдроме Морриса у псевдогермафродитов, необычайно сложен и, конечно, решается неоднозначно. Мы считаем небесполезным привести здесь высказывания создателя методов культуры тканей вне организма А. Карреля: *"Половые железы ... интенсифицируют все физиологические, умственные и духовные виды активности. Ни один евнух не стал великим философом, великим ученым или великим преступником. Семенники повышают смелость, агрессивность и жестокость, качества, отличающие быка-драчуна от вола, тащащего плуг по полю"*^[68].

"Семенники больше, чем какие-либо другие железы, оказывают влияние на силу и качество ума. В целом великие поэты, художники и святые, как и завоеватели, очень сексуальны. У людей, подвергшихся кастрации, личность более или менее резко изменяется. Быть может, исторически установленная трусость Абеяра перед лицом страстной любви и жертвенности Элоизы вызвана нанесенным ему зверским уродством. Почти все великие художники были великими любовниками. Вдохновение, по-видимому, зависит от некоторых состояний половых желез. Любовь возбуждает ум, если она остается неудовлетворенной. Если бы Беатриче стала возлюбленной Данте, может быть, не было бы и "Божественной комедии"... Великие мистики часто употребляют выражения Песни Соломона. Кажется, что их неудовлетворенные сексуальные стремления мощно устремляют их на путь воздержания и полной жертвенности. Жена рабочего может требовать от него ежесуточного удовлетворения. Но жена художника или философа не имеет права на такое же частое внимание. Хорошо известно, что сексуальные излишества понижают умственную активность. Для полноты достижений интеллект, по-видимому, требует как присутствия хорошо развитых половых желез, так и временного подавления сексуальных влечений"^[69].

"Если слабые, нервозные и неуравновешенные становятся более аномальными при подавлении своих сексуальных влечений, то сильные становятся еще сильнее"^[70]. <...>

Сложность проблемы в значительной мере связана с тем, что гиперсексуальность часто превращает мужчин в юбочников, слишком посвящающих себя именно сексу.

Несомненно, что Казанова был в высшей степени даровит, очень развит и очень образован. Но едва ли его можно назвать особо выдающимся деятелем. Эти обстоятельства заставляют подходить к гиперсексуальности, как к общему типу внутреннего допинга, с очень большой осторожностью. <...>

Циклотимические гении и таланты, их подъемы и спады

Гипоманиакальность ("гипертимичность")

Заболевание маниакально-депрессивными психозами обычно диагностируется клинически на высоте приступа мании или депрессии, в первом случае по беспорядочным скачкам мыслей и бессмысленным, но энергичным действиям, во втором случае - по необычайно угнетенному, безнадежному настроению. Но симптоматика не всегда и далеко не у всех больных достигает явно патологического, психотического уровня, аномалия может сводиться к периодическим резким подъемам и резким спадам настроения. Характерно сохранение полного сознания, без особых нарушений мышления. В первом приближении можно сказать, что страдает не мышление, а тонус.

Следует отметить явное различие в диагностике: западная психиатрия, в общем, относит к маниакально-депрессивному психозу (МДП) больных, для которых характерны резкие подъемы и спады настроения, в основном с сохраненным сознанием, хотя могут иметь место и галлюцинации. В СССР МДП трактуется значительно уже, и часть тех больных, которым психиатры западных школ поставили бы диагноз МДП, в СССР были бы отнесены к периодическим шизофреникам. Но генетические исследования показывают, что МДП и шизофрения ничего общего друг с другом не имеют. Среди многих сотен обследованных пар однояйцевых близнецов, при всей изменчивости и спорности понятий шизофрения и МДП, не было, по-видимому, ни одного случая, когда у одного партнера был бы диагностирован МДП, а у другого шизофрения.

Почти столь же четкая закономерность наблюдается и в подавляющем большинстве родословных: среди родственников больного шизофренией все психически больные - шизофреники, шизоиды или олигофрены, психически больные родственники больного МДП страдают МДП, депрессией, циклотимией, т.е. сменой настроений без нарушения сознания.

Основным анатомическим субстратом шизофрении является "мыслящая" часть мозга, основным субстратом циклотимии - лимбическая система, если позволительна такая схематизация топологий.

Генетически МДП характеризуется мономерно-доминантным наследованием с неполным и варьирующим проявлением. Иными словами, предрасположение передается по вертикали, от больного родителя половине детей, но частыми "проскоками", через 1 - 2 поколения, и проявлением у некоторых больных в форме маниакальной депрессии, у малой части только в форме мании, у значительной части в форме депрессии. Если среди здоровых членов семьи больного шизофренией часто встречаются шизоиды, то среди здоровых членов семьи МДП часто встречаются циклоиды. <...>

Классическое описание депрессивной фазы МДП имеется у Крепелина: *"Наиболее характерна простая задержка психических актов без обманов чувств и выраженных бредовых идей. Больному трудно мыслить, он не в состоянии что-либо понять, ... малейшее умственное напряжение стоит ему невероятных усилий, он совершенно не в силах исполнять даже обычные требования повседневной жизни. Настроение печальное,*

полное отчаяния, ничто не возбуждает в больном стойкого интереса, ничто не радует его. Полное отсутствие энергии представляет симптом, особенно бросающийся в глаза. Больной теряет всякую бодрость, едва говорит, сидит часто по целым дням, будучи не в состоянии приняться за какое-либо дело. Сон всегда нарушен, больные по целым часам лежат в постели, не смыкая глаз. Выражение лица и осанка безжизненны и вялы"[71].

Гипоманиакальная фаза, напротив, характеризуется повышенным настроением, быстрой восприимчивостью, энергией, неутомимостью, экспансивностью, возбудимостью, радостным трудолюбием. Но на этом благодатном периоде развитие приступа часто не останавливается, а начинается маниакальная фаза с бурным двигательным и мыслительным возбуждением, скачками идей, фантастическими представлениями о происходящем, а отсюда и фантастическими решениями. Рано или поздно это либо постепенно угасает до нормы, либо начинается депрессивная фаза.

Замечательная быстрота мышления, в частности ассоциирования, возбужденность, неутомимость в эти подъемы или периоды перехода через гипоманиакальную стадию именно и порождает поразительно высокий уровень творчества. Но последующая депрессия часто доводит до самоубийства, что среди всех психических больных наиболее свойственно МДП. Каннабих так описывает "экспансивную" фазу циклотимии: *"В эти периоды счастливой беззаботности и нередко блаженного самочувствия больной отмечает приятное ускорение всех своих психических актов, легкость, с какой удаются ему самые трудные умственные процессы: все задержки отпали, ему легко думать, он ярко и интенсивно чувствует, быстро принимает решения, а нередко без всякого труда и лишних раздумий совершает поступки, далеко выходящие из круга обыденной повседневности...*

Все его интересует, жизнь захватывает и пьянит, он усердно принимается за свои дела, поминутно бросается на целую массу посторонних занятий, работает много и легко, не чувствуя утомления, рано встает, поздно ложится, спит немного, но крепким сном, удивляя окружающих своей разносторонностью и избытком неистощимой энергии"[72].
<...>

Общепринятое определение маниакально-депрессивного психоза с многочисленными синонимами в учебниках: аффективный психоз с полностью обратимыми фазами настроения, обычно разделенными периодами психического здоровья. Длительность фаз измеряется днями, неделями, месяцами, годами. <...>

Биполярный маниакально-депрессивный психоз в высокой степени наследственно детерминирован, как это видно, в частности, из изучения безотборных серий близнецов Дании [73], причем, по-видимому, нередко у некоторых членов семьи бывают только периодические депрессии без выраженных гипоманиакальных подъемов. Можно полагать, что в одаренных, материально обеспеченных семьях могли возникать целые династии талантливых деятелей, реализующих свои возможности благодаря наложению на общую одаренность социальной преэминентности, обеспеченности, знатности и МДП. <...>

Поскольку у большинства рассматриваемых нами далее лиц имели место четкие, по существу, клинические проявления психического расстройства в фазах депрессии, отказ от пищи, мутизм, многодневное молчание, уничтожение готовых произведений, госпитализации, самоубийство, а настоящие мании с бессмысленной гиперактивностью почти отсутствовали, мы применим термин гипоманиакально-депрессивный, по смыслу близкий к гипертимически-депрессивному. Это подчеркивает временно клинический характер состояния, тем более обоснованный, что в ряде случаев, пожалуй, даже в

большинстве, можно в ближайшем родственном окружении найти чисто клиническое поражение.

Может быть, из осторожности следовало бы вместо термина "гипоманиакальный" пользоваться менее резким акклиническим термином, ни к чему не обязывающим, - "гипертимический", но это смазывало бы существо дела, а именно наличие четкого психопатологического возбуждения как стимулятора умственной активности в этих относительно немногих, особо выделенных случаях. Как известно, мягкую форму маниакально-депрессивного психоза многие авторы называют циклотимией. Но этот термин имеет очень разнородное и очень растяжимое значение, под которое подойдет значительная часть человечества; поэтому мы будем в дальнейшем применять весьма условный термин "гипоманиакально-депрессивный психоз", относя к нему те случаи, когда больные на высоте вспышки в направлении маниакальности проявляют не бессмысленную суетливость, а, наоборот, повышенную работоспособность, с резким, многосезонным, а чаще и многолетним периодом уныния и бездеятельности между творческими подъемами.

Необходимо подчеркнуть ошибочность стремления видеть в психозе и психопатии стимул творчества в тех случаях, когда в действительности болезнь творчеству препятствовала.
<...>

Если не считать деклараций Ломброзо, не выдерживающих ни малейшей критики хотя бы уже потому, что он внес в число гениев довольно заурядных деятелей, если у них были признаки психоза, то наиболее четко тенденция видеть в гениальности психопатичность выражена у Брейна.

Брейн, оправдывая представление о связи гениальности с психозом или психопатией, приводит длинный, хоть и неполный список английских авторов, страдавших циклотимией, шизофренией, навязчивостью, психопатией, алкоголизмом или наркоманией [74]. Это Беддес, Влек, Босуэл, Бэниан, Бернс, Байрон, Чаттертон, Клер, Кольридж, Колпинс, Купер, Краббе, Де Кинси, Диккенс, Д. Донн, Грей, Джонсон, Лемб, Россетти, Рескин, Шелли, Смарт, Свифт, Суинберн, Теннисон, Ф. Томпсон. В доказательство того, что английские авторы - не исключение, он называет Бодлера, Достоевского, Флобера, Гете, Гоголя, Гельдерлина, Ницше, По, Рембо, Руссо, Стриндберга, Сведенборга и Верлена. <...>

В отношении психопатов, сифилитиков, алкоголиков и наркоманов заметим, что талант и гениальность не обязательно должны ограждать от этих болезней. Но не стали ли алкоголики, наркоманы, психопаты творцами не из-за своих пристрастий, а вопреки им?

Этот вопрос особенно справедлив в отношении тех гениев и талантов, творческий взлет которых был оборван или снижен болезнью. Это достоверно в отношении Чаттертона, Бодлера, Гоголя, Ницше, По и многих других, погубленных туберкулезом, алкоголем, наркотиками или депрессией.

Наша цивилизация знает множество замечательно даровитых детей - вундеркиндов, одаренных абсолютным слухом, великолепной музыкальной памятью, виртуозов и дирижеров. Но им не хватает той железной воли, упорства и полной одержимости творчеством, которые только и могут дать Моцарта, Бетховена, Шумана, Шуберта. В доброй половине случаев не хватает дополнительного целеустремляющего аппарата в виде стимуляции подагрического и гипоманиакально-депрессивного типа, венчающего совокупность ряда необходимых дарований и оптимального импрессиона

всепреодолевающим страстным трудолюбием, той самоотверженной самоотдачей своему призванию, которая увлекала гениев за рамки общепонятного, общедоступного, заставляла их жертвовать всем ради наивысших достижений.

Мы можем назвать ряд гениев и выдающихся талантов с гипоманиакально-депрессивным (гипертимно-депрессивным) механизмом гениальности или огромной продуктивности, оговаривая, что исследование только-только начато, что мы не во всех случаях абсолютно уверены в правильности психиатрического диагноза.

Это М. Лютер, Т. Тассо, Дж. Свифт, К. Линней, У. ПиттСтарший, Р. Клайв, В. Коупер, Г.Л. Блюхер, В. Альфиери, И.В. Гете, А. Сен-Симон, С. Кольридж, О. Конт, Ф. Грильпарцер, А. Шопенгауэр, лорд Кестльри, А.С. Пушкин, Ж. де Нерваль, Н. Гоголь, Р. Шуман, Ч. Диккенс, Р. Мейер, А. Рескин, К.Ф. Мейер, Г.И. Успенский, Н.В. Успенский, Д.И. Писарев, Л. Больцман, В. Ван Гог, Э. Беринг, В. Гаршин, З. Фрейд, Т. Рузвельт, Р. Дизель, Г. Вольф, Л. Друде, П. Эренфест, У. Черчилль, В. Вульф, Дж. Паттон, Д. Форрестол (??? - V.V.), Э. Хемингуэй.

Не менее десяти из этих 42 деятелей (М. Лютер, К. Линней, Р. Клайв, У. Питт-Старший, Альфиери, Гете, Шопенгауэр, А.С. Пушкин, Ч. Диккенс, Р. Дизель) дополнительно обладали и гиперурикемическим, подагрическим стимулом, т. е. он имелся у 25% циклоидных гениев самой различной направленности. Эти десять гениев с двойным (а иногда и тройным - Р. Клайв, Гете, Альфиери, Шопенгауэр и Дизель были гигантолобы) механизмом будут нами рассмотрены отдельно.

Заключительные замечания

Если многочисленность целеустремленных, несокрушимо упорных гениев подагрического типа раскрывает нам значение непрерывной мобилизации и напряженности мышления, если такие гении, как Линкольн, Андерсен или Жанна д'Арк заставляют искать случаи и механизмы гормонально обусловленной гениальности, то существование гипоманиакально-депрессивного типа гениальности обуславливает многочисленные случаи необычайно мощной продуктивности, коренящиеся в настроении - приподнятом, эйфорическом, даже экзальтированном.

Подагрические гении - мрачные, невеселые, не жизнерадостные; их достижения - результат жертвенного служения цели. Гипоманиакально-депрессивный механизм - вовсе не обязательная особенность радостно творящих гениев и талантов. Но существование этого механизма и его невероятной эффективности в фазе подъема ясно демонстрирует огромное стимулирующее значение подъема духа, состояния окрыляющей радости, счастья, возбуждения. Бросается в глаза наличие клавишей, которые позволяют резко повысить продуктивность с помощью внешних воздействий. <...>

Очевидно, что стимул, потенция могут быть сняты или извращены различными дополнительными факторами, в первую очередь внешними условиями развития и реализации индивида, во вторую очередь внутренними, бесчисленными, независимыми от стимула дефектами, наследственными и ненаследственными, особенно активными в условиях нарушенного гомеостаза. Поэтому вовсе не удивительно, что большинство больных подагрой, МДП, синдромами Марфана или Морриса не поднимаются выше средней нормы или даже отстают от нее, страдают от основного или каких-либо других дополнительных дефектов. <...>

Очевидно также, что большой размер головы и гигантский лоб никак не оберегают от множества эндогенных и экзогенных дефектов мышления, не гарантируют хороших условий развития и реализации (скорее, наоборот). И если, тем не менее, биологическая закономерность улавливается, значит все эти механизмы вместе взятые весьма существенны. Особенно если добавить к ним те, которые несомненно еще будут открыты.

Что касается социальных закономерностей, то в первую очередь нужно думать об огромных утратах потенциальных талантов и гениев из-за тормозов, создаваемых социальными факторами. Необходимость чрезвычайной наследственной одаренности, раннего ее распознавания и развития, скажем, для композиторов и виртуозов, для математиков и шахматистов, не требует доказательств, но это справедливо, вероятно, и для множества других специальных дарований. Недостаточность только наследственной одаренности и ее раннего распознавания демонстрируется последующей посредственностью бесчисленных вундеркиндов, лишенных неудержимой внутренней творческой воли. Разумеется, историю, культуру, науку делают не подагрические или какие-либо иные гении, а социальные факторы. Но хотя подагрики составляют лишь 0,6-1,5% от пожилого мужского населения и притом физически не вполне полноценны, среди гениальных или близких к гениальности людей они составляют 15-25%, а среди гениев-титанов почти 50%. Само собой разумеется, что кроме высокого уровня мочевой кислоты в организме для гениальности необходимы какие-то комбинации дарований, будь то различные виды памяти, комбинаторные, математические, художественные, лингвистические, литературные способности, о генетике которых еще собираются сведения. Наша же задача - показать, что если подагрический стимул, при редкости подагры, дает столь поразительный эффект, то только потому, что у неподагриков эти же способности, столь широко распространенные, не реализуются из-за отсутствия рефлекса цели и полной мобилизации.

С другой стороны, то обстоятельство, что почти все гении так или иначе имели или нашли, добились в детстве или юности очень благоприятных условий для развития и реализации своего таланта, показывает, что социальные факторы, формируя личность, осуществляют свое действие, преломляясь через детско-юношеские импрессионги. <...> Беспомощность многих педагогов и родителей при попытках повести в желательном направлении развитие ребенка или подростка в немалой степени обусловлена тем, что каждый ребенок - индивид, чрезвычайно избирательно, хотя и подсознательно извлекающий из массы внешних воздействий те, которые для него окажутся импрессионгами.

Мы уверены, что охватили далеко не все эндогенные механизмы, способные стимулировать интеллектуальную деятельность. Хотя мы концентрировали все свое внимание на гениях или бесспорно выдающихся талантах (в противном случае рамки исследуемого материала стали бы чрезвычайно расплывчатыми), многое из сказанного относится к проблеме талантов в целом, их развитию и реализации. Мы подчеркивали принципиальную разницу между гением и талантом: совершенно безграничную увлеченность гения, его рабство по отношению к возникшей сверхзадаче, проистекающее отсюда волевое напряжение. У талантов на первое место, наряду с волей и увлеченностью, выступает наличие набора специальных способностей, на наследовании, развитии и реализации которых мы не имели возможности остановиться, так как это тоже привело бы к выходу за намеченные рамки. Мы вынуждены отослать читателя к прекрасному критическому обзору Бракена [75], ограничиваясь здесь указанием на ту жажду самопроявления, которая неумолимо гонит гения ко все новым поискам и попыткам. Исследования по дифференциации роли наследственности и среды в развитии отдельных способностей дали ценнейшие результаты, но еще далеки от завершения. <...>

Может возникнуть вопрос, что общего между мышлением гениальных или выдающихся полководцев, государственных деятелей, писателей, поэтов, скульпторов, художников, композиторов, естествоиспытателей, изобретателей? Общее - поразительная напряженность работы интеллекта <...>. Во всех случаях недостаточно только чувства слова, ритма, абсолютного слуха, чутья, знания патентов или литературы. Необходимо должное качество и количество материальной базы интеллекта, т.е. мозга, способного к хорошему функционированию, экзогенного и эндогенного стимула и, может быть, главного - полной мобилизации способностей.

Потому-то среди подагриков, гипоманиакально-депрессивных и людей, страдающих синдромом Марфана и Морриса, мы находим самых выдающихся деятелей любого творческого профиля. Заметим, что и так называемые нетворческие профессии, будь то коммерция, промышленность, сельское хозяйство, "заурядная" медицина, инженерия, преподавание нередко требуют и поглощают не меньше интеллектуального напряжения, чем самые архипрестижные. <...>

Гигантолобые и высоколобые гении

Предварительные соображения и данные

По Тобиасу [76], объем мозга *Australopithecus africanus* 435-540 см³. *Homo habilis* - 633-684, *Homo erectus* - 790-975, *Homo erectus pekiniensis* - 915-1225, *Homo sapiens* - 1000-2000 см³. Количество нейронов в мозгу возрастало приблизительно следующим образом: австралопитек - $(4,0-4,5) \cdot 10^9$, *Homo habilis* - $5,5 \cdot 10^9$, *Homo erectus* - $8,5 \cdot 10^9$, современный человек - $9 \cdot 10^9$. Направленность эволюции несомненна. <...>

Создавший человечество естественный отбор направлялся на увеличение головы и особенно лобных долей, прикрываемых лбом, и это одно позволяет предполагать наличие некоторой, хотя и отнюдь не полной, корреляции между размером головы и относительной высотой лба с интеллектом.

Согласно некоторым данным в большинстве тканей транскрибируется только 3-6% уникальной ДНК, тогда как в тканях мозга мышца транскрибируется 10-13% этой ДНК, а в мозгу человека - 20%. Иными словами, именно в мозгу человека имеет место активация максимального количества генов, и, если позволить себе некоторые упрощения, можно утверждать, что в мозгу, как в никакой другой ткани, максимально мобилизуется и используется генотип человека. Добавим, что часть мозга человека, которая управляет физиологической функцией центральной и периферической нервных систем, составляет около трети или четверти его объема, тогда как $2/3-3/4$ (что, конечно, очень неточно) выполняет функцию мышления. Именно благодаря этим данным вопрос о значении объема мозга теряет свою примитивность.

Убедителен даже приблизительный подсчет частоты гигантолобых, очень высоколобых, нормальнолобых, низколобых в сериях портретов и фотографий подлинно выдающихся людей. <...>

Мы располагаем древним каноном: высота головы равна одной седьмой длины тела, высота лба составляет треть высоты лица. Обнаруженная антропологическая и психометрическая положительная корреляция между размерами лба и уровнем мышления может быть подтверждена при изучении серий портретов истинно крупных деятелей в любой области [77]. <...>

При спорности классификации почти для любой выдающейся личности общая картина оказывается достаточно четкой: средняя характеристика приходится где-то посередине между графами "высоколобые" и "очень высоколобые", тогда как гигантолобые примерно так же часты, как среднелобые.

Если подагра, гиперурикемия, гипоманиакальность, синдром Марфана раскрывали механизм гениальности около 25-70% гениев, то огромнолобые и броское высоколобие повышают раскрываемость до 100% и выше (так как многие люди обладали двумя факторами). Можно ли считать цифры, приведенные в таблице, объективными? Мы вынуждены отказать им не только в объективности, но даже в субъективности. Не только все, взявшиеся за классификацию, получили бы разные цифры; вероятно поразному определил бы головы один и тот же человек при повторной классификации. Объективна лишь общая тенденция: повышенная частота высоколобия среди выдающихся людей. Едва ли можно было рискнуть высказать это, отдающее френологией положение, если бы оно не опиралось на народный опыт, на поговорку *"Будь ты хоть семи пядей во лбу..."*, на общенародное прозвище интеллектуалов в Англии и США - "высоколобые" и на практикуемое среди англо-американской литературы разделение ее по потребителям на "высоколобую", "среднелобую", "низколобую". При этом гигантолобие не исключает пустоголовие, что достаточно очевидно.

Полученные выводы настолько ответственны, что мы решили подвергнуть их многократной, совершенно объективирующей проверке [78]<...>

Существенно, что высоколобость, равно как подагричность и гипоманиакальность, среди выдающихся талантов и гениев совсем не знают профессиональных ограничений. Это генераторы ума и энергии, а в чем они проявятся и проявятся ли, зависит от способностей и средовых условий.

Вероятно, бесчисленны таланты, не проявляющиеся из-за отсутствия достаточно мощного внутреннего стимула, бесчисленны и обладатели мощного внутреннего стимула, не обладавшие никакими талантами, бесчисленны обладавшие и стимулом и талантом, но лишенные возможности развития дарования, и уж совершенно бесчисленны те, кто, имея и стимул и талант, развив его и даже найдя область применения, не смогли реализоваться в силу социальных тормозов. Не исключено, что величайшей заслугой Перикла перед человечеством окажется вовсе не появление поименованных выше гениев перикловых Афин, а нагляднейшее доказательство того, как много гениев может выделить даже малочисленная "популяция", группа населения, которой даны возможности развития и реализации гениальности.

Можно видеть, что даже максимально суживая рассмотрение до круга биологических механизмов гениальности, мы постоянно сталкиваемся с явлением значимости, но недостаточности. Вероятность гениальности существенно повышается при подагричности, синдроме Линкольна, синдроме Жанны д'Арк, синдроме циклоидности, высоколобости, но ни один из этих факторов, взятый в отдельности или в сочетании, ничуть не гарантирует ни высокой одаренности, ни твердой установки на ее реализацию. Рассмотрение любого вида одаренности показывает, что каждая состоит из целого ряда независимых друг от друга, первичных "элементарных" способностей, вероятно независимо наследующихся, весьма возможно, независимо друг от друга развивающихся. Очевидно, что только при благоприятной комбинации дарований может дать результат акцентированная гиперурикемией целеустремленность, гипоманиакальный подъем работоспособности, обострение памяти, ассоциативных возможностей и т.д.

Но волевой импульс играет необычайно важную роль. Он заставляет личность вновь и вновь браться за новые и новые дела, испытывать себя, покуда не нащупается оптимальное поле деятельности. <...>

Сотни или десятки тысячелетий, вплоть до изобретения письменности, весь накапливаемый опыт приходилось запоминать, сравнивать, сопоставлять "в уме", и тот род, племя, которое что-то важное в ходе социальной преемственности теряло, уступало место племенам, достаточно памятьливым и психически гибким для сохранения своего и обогащения чужим опытом ("*только сумасшедшие учатся на своих ошибках, я всегда учился на чужих*", говаривал Бисмарк).

Нашему современнику, получающему в готовом виде от родителей, учителей, из книг готовые знания, и не снисвшиеся величайшим гениям прошлого века, вступающему на заранее проторенные дорожки с минимальными трафаретными требованиями, которые нужно удовлетворить, чтобы выжить и оставить потомство, очень трудно представить себе многообразие того опыта и умений, которые нужно было держать в молниеносной готовности нашим диким предкам, чтобы и самим пропитаться, и довести до самостоятельности детей. Погрешность каралась увечьем, смертью или бездетностью.

Как бы ни ослабевал естественный отбор за последние тысячелетия, дела сотен великих не оставляют сомнения в том, что мозг человек хранит огромные резервы неиспользованных возможностей, реализуемых при воздействии стимула. Но наблюдения над оптимально развивающимися детьми показывают, что стимулом не обязательно и только может быть биологический фактор - гиперурикемия, гипердреналинемия или мужской гормон, не воспринимаемый тканями-мишенями. Стимулом должны стать раннее интеллектуальное развитие и такие ценностные критерии, которые заставят мышление работать целенаправленно, с полной отдачей.

Но, пожалуй, самой общей, почти обязательной особенностью гениев является витальность - какая-то внутренняя энергия, необычайная устойчивость дееспособности, чрезвычайно долго дрящущая молодость с ее ненасытным любопытством, любознательностью, впечатлительностью, впечатляемостью, заинтересованностью, пусть избирательной, обеспечивающая почти всем им долгую жизнь.

Здесь нет мнимой корреляции: чтобы создать себе надолго имя и славу, чтобы успеть много сделать, надо долго жить. Нет, то что создает славу, известность надолго, бывает сделано обычно до 50-55 лет, однако многие великие люди живут еще 20-30 лет, творя иногда почти до самой смерти. Если они не уходят целиком в свое творчество, то их всеобъемлющие интересы сохраняются до глубочайшей старости.

Гениальные и высокоталантливые роды, созданные наследственными механизмами, социальной преемственностью и брачным подбором (динамическая гениальность)

Все рассмотренные выше пять факторов гениальности носят в значительной мере наследственный характер. Подагра во многих случаях вызывается независимо тем или иным мономерным фактором, клинической или аклинической гиперурикемией, синдромом Марфана - мономерно-доминантен, синдром Морриса - сцепленный с полом рецессив, маниакально-депрессивные психозы и их варианты обычно наследуются

доминантно с неполным, варьирующим проявлением, высоколобие (церебральность) как компонент эктоморфной конституции тоже имеет какую-то наследственную основу (судя по одно- и близнецам). Но еще существеннее то, что "родоначальник" создает нередко какую-то социальную преемственность, будь то знатность, знаменитое имя, раннюю приверженность к определенному виду деятельности, ранее закреплённый интерес к ней, ценностные параметры, благоприятный социум и т.д. Можно привести ряд примеров и важно проследить значение совокупности таких факторов. <...>

Генетика одаренности, бездарности и болезней монархов Европы

Существует представление, что исключительно высокая материальная обеспеченность, хорошее образование и превосходные возможности для реализации дарований могут сами по себе обеспечить появление гениев и замечательных талантов. Это заставляет нас обратиться к проявлениям подобных особенностей в династиях, правивших, например, в Европе с XIV по XX век, по материалам, собранным Вудсом [79]. Этот автор, видимо, не знал ничего о законах Менделя, о рецессивности и доминантности, о социальной преемственности, вероятно, ничего не знал о марксизме и исключительно по делам, свершениям и неудачам выдавал баллы от 1 (абсолютная бездарность, тупость) до 9-10 (исключительная даровитость или гениальность).

Вудс приходит к выводу, что несмотря на знатность и богатство, 3300 членов царских, королевских и императорских династий оказались, в среднем, посредственными по интеллекту, за исключением 16 подлинно выдающихся мужчин и примерно такого же числа женщин. "Что же об остальных? Возможно ли, что живя в высочайших социальных условиях, большая часть из них не имела достаточных возможностей проявить одаренность, если бы они ею обладали? <...> Таким образом, масса посредственностей продуцирует великих людей, производящих себе подобных. Причина, почему военный и административный гений поддерживается большее число поколений, чем это происходит с научным и литературным гением, вероятно, проста. Семьи, ведущие в науке и искусстве, в общем не так избирательно вступают в браки, как великие правящие семьи"[80].

Династия Толстых-Пушкиных: Тютчев, Чаадаев, К.Н. Леонтьев, А.К. Толстой, Л.Н. Толстой, Одоевские, А.С. Пушкин

Граф П.А. Толстой. О том, что П.А. Толстой был активнейшим сторонником царевны Софьи, затем своевременно перешел на сторону Петра I, оказал ему немалую услугу, выманив из-за границы царевича Алексея, можно и не напоминать подробно. Существенно следующее: Петр I говаривал: *"Имея дело с Толстым, надо держать ухо востро и камень за пазухой, чтобы разбить ему череп, а то укусит"*. *"Голова, голова, кабы не так умна ты была, давно бы отрубить ее велел"*[81]. Характерно то, что П.А. Толстой, очень активный далеко за восемьдесят лет, ввязался в борьбу против всемогущего Меншикова, был лишен всех званий и сослан вместе с сыном. Графский титул был возвращен его потомкам много позже.

П.А. Толстой являлся дальним предком не только Толстых - Л(ьва) Н(иколаевича), А(лексея) К(онстантиновича), даже по одной линии А.Н. Толстого, но также К.Н. Леонтьева, Одоевских, Чаадаева, а по отцу - и Тютчева [82]

Одна из замечательных особенностей П.Н. Толстого и многих его потомков - долголетие, жизненная энергия, у некоторых - огромная физическая сила.

П.Я. Чаадаев (1793-1856). Петр Васильевич Чаадаев, дед Петра Яковлевича Чаадаева, умер в душевной болезни, именуя себя персидским шахом. Предположение, что П.В. симулировал, чтобы уйти от суда за взятки, опровергается тем, что его сын Федор Петрович застрелился в 37 лет, а внук П.В., брат Петра Яковлевича, Михаил Яковлевич Чаадаев, страдал припадками меланхолии. Таким образом, приступы меланхолии П.Я. Чаадаева, предшествовавшие и следовавшие за его "философическим письмом", могут быть приняты как проявление циклотимии, с подъемами в период дружбы с Пушкиным и составления знаменитых "Писем", и очень тяжелыми, длительными депрессиями. В его судьбе можно видеть сочетание оптимального импрессионизма, прекрасного образования с блестящими дарованиями, полностью не реализовавшимися из-за длительных инактивирующих депрессий, не говоря уже об обстановке в эпоху Николая I.

П.Я. и М.Я. Чаадаевы получили прекрасное домашнее образование, а в Московском университете, где преподавала блестящая профессура, они учились вместе с А.С. Грибоедовым, Н.И. Тургеневым, братьями Л. и В. Перовскими. Оба Чаадаевых поступили в гвардию, участвовали в сражениях при Бородино, Тарутине, Ма, пом Ярославце, Люцерне, Бауцене, Пирне, Кульме, Лейпциге. В 1816 году в Царском Селе П.Я. познакомился с Грибоедовым и лицеистом Пушкиным.

Получив наследство, он вышел в отставку и отправился за границу. Перед отъездом он чувствовал себя очень больным и был мрачен. Уехал в Англию, путешествовал, прожил три сезона в Париже, побывал в Швейцарии, Италии, в Дрездене и в середине 1826 года вернулся в Россию. Все время путешествия - угнетенность. <...>

Поражает превращение блестящего, пылкого, необычайно активного офицера, проделавшего с блеском кампании 1812-1813 годов, в человека, многие десятилетия бездеятельного; автор "Философических писем", которые не имеют продолжения и завершения, превращение героического офицера в человека, который дал надеть на себя намордник. Впрочем, это можно объяснить внешними обстоятельствами. Но то, что он и за границей, задолго до восстания декабристов, и по возвращении целиком уходит в уныние, уже патологично и вынуждает к диагнозу циклотимии.

Бывало ли у Чаадаева гипоманиакальное состояние огромного подъема? "...Откуда бы он взял это могучее волнение, чисто личное, неповторимое, которое проникает всю его доктрину и сообщает такую неотразимую убедительность его слову? ... В железной и вместе свободной последовательности его умозаключений столько сдержанной страсти, такая чудесная экономия сил, что и помимо множества блестящих характеристик и художественных эпитетов, за один этот строгий пафос мысли его "Философические письма" должны быть отнесены к области словесного творчества наравне с пушкинской "Элегией" или повестью Толстого... Во всемирной литературе немного найдется произведений, где так ясно чувствовалось бы стихийность и вместе гармоничность человеческой логики" [83]. <...>

Чеканны, например, его слова: *"Во Франции на что нужна мысль? Чтобы ее высказать. В Англии? Чтобы привести ее в исполнение. В Германии? Чтобы ее обдумать. У нас? Ни на что!"*.

Были ли у Чаадаева другие признаки депрессивных фаз, страхи? Несомненно. Такова его реакция на пограничный обыск и последующую задержку, таково его верноподданническое письмо Орлову - характерное проявление тех страхов, которые владеют личностью в депрессивной фазе. <...>

А.С. Пушкин. Из неопровержимых сообщений друзей видно, что сразу по окончании лица Пушкин пережил период почти патологического сексуального и творческого возбуждения, причем творчеству он предавался преимущественно тогда, когда лечился от последствий "культа Вакха и Венеры". Затем, в начале ссылки на юг, он пережил период сильнейшей депрессии, уныния и отсутствия творческих способностей. Затем последовал новый период подъема, новый спад энергии и творчества, и такие циклы продолжались до самой смерти. При этом в периоды подъема он проявлял поразительную раздражительность и вспыльчивость, сочетая это с необычайной творческой энергией.

В свете бесспорных данных о существовании у А.С. Пушкина сезонных циклических подъемов и спадов настроения и работоспособности, мало связанных с внешними обстоятельствами, интерес приобретает психиатрический анализ пушкинского рода, проведенный Е.Н. Каменевой [84]. <...>

Ко времени появления этой статьи полувековой давности проблема гипоманиакального механизма стимуляции умственной активности не ставилась. Следовательно, автора никак нельзя заподозрить в натяжках, подводящих А.С. Пушкина под какую-либо схему.

Тем существеннее ее вывод и родословная, свидетельствующая о мономерно-доминантном неполно-пенетрантном наследовании гипертимно-депрессивного и маниакально-депрессивного состояния.

Еще важное мимоходом упоминаемое наследование "артритизма" у Л.А., А.С., О.С., Л.С., у детей О.С. и А.С. Пушкиных с прямым указанием на подагричность у отца А.С. и сына Л.С. Пушкина. По Вересаеву, подагра была и у Василия Львовича, дяди А.С.

Наследование "артритизма" в трех поколениях, у восьми членов семьи никак нельзя оставить без внимания. <...> Из всех возможных видов "артритизма" наследственна только подагра, а ее документированное наличие у Василия и Сергея Львовича, дяди и отца А.С. Пушкина, и у племянника, (сына Льва Сергеевича) почти не оставляет сомнений в том, что в семье наследовалась именно она, и А.С. оказывается передатчиком, т.е. гиперуремиком. В. Даль описывает, как к нему пришел, хромая, с палкой, А.С. Пушкин и пожаловался, что его совсем замучили "ревматизмы". <...>

Многочисленные труды о потомках А.С. Пушкина почти не содержат сведений ни об их характерологии, ни, тем более, об их патографии. Установка, что Пушкин - идеал гармонии, нормы, уже полвека назад запретила сбор патографии. Дальнее потомство Пушкина расценивалось прежде всего с "классовой" точки зрения - как дворянство, с соответствующими социальными следствиями, и лишь после Отечественной войны возобладало над этим внимание к потомству гения. Сбор патографии потомства этого гения необходим. Живущие в СССР и за границей дальние потомки А.С. Пушкина, узнав о том, как широко распространены различные механизмы гениальности, во всей их вариабельности, от клинических до бытовых проявлений, смогут лучше охарактеризовать его генотип. <...>

А.К. Толстой (1817-1875), поэт, писатель, драматург. По Стафееву [85] детско-подростковый возраст А.К. протекал в оптимальных условиях. Его с раннего детства обучали немецкому и французскому языкам, несколько позже он изучил английский и итальянский, а шести лет зачитывался книгами. А.К. был необычайно силен (гнул подковы, связывал узлом кочерги и т.д.). Он рано стал другом будущего императора Александра II, что почти освободило его от цензуры. Брат его матери А.А. Перовский (писавший под псевдонимом Погорельский), чрезвычайно много сделал для его

умственного и эстетического развития; завещав ему свое огромное состояние, на десятки лет освободил от материальных забот. Еще до окончания университета А.К. стал одним из тех "архивных юношей", которым полагалось знать как можно больше обо всем.

А.К. естественно оказался в высокообразованных аристократических кругах, способных и воспринимать, и оценивать его творчество, что, конечно, создавало возможности и для реализации таланта. Феноменальная, фотографическая память, исключительная физическая сила и радостно-оптимальные условия развития, почти идеальные возможности реализации творческой продукции, ее немедленная высокая оценка, казалось бы достаточно объясняют расцвет его таланта.

А.К. Толстой стал писать стихи шести лет, он мог, прочтя страницу прозы, слово в слово ее повторить. Это гарантировало возможность молниеносной мобилизации, громадность словарного запаса, способность, необычайно важную для поэта. Маяковский на вопрос, читает ли он Пушкина, отвечал - нет, потому что всего Пушкина знает наизусть.

На стихи А.К. Толстого писали музыку самые крупные русские композиторы - Чайковский, Мусоргский, Римский-Корсаков, Рахманинов, Кюи, Танеев.

Постоянные боли в ногах и почти ежегодные поездки А.К. Толстого на лечение в Карлсбад позволяют подозревать у него подагру.

Мать А.К. Толстого, урожденная Перовская (Разумовская), несомненно, отличалась странностями. Надо отметить необычайно быстрый развод с мужем К.И. Толстым, чуть ли не спустя месяц после свадьбы, что было совсем не в нравах того времени. Она была необычайно жестока по отношению к крепостным - далеко сверх отнюдь не кротких нравов того времени. Проявляла необычайную властность по отношению к А.К., например десятилетиями мешала ему жениться на любимой женщине, безумно тратила деньги, в своих туалетах намеренно и дерзко копировала императрицу. Все это требует нелегкой проверки на циклоидность. <...>

Л.Н. Толстой (1828-1910). <...> Имеются веские доказательства того, что переходами к неудержимой гипоманиакальной активности характеризовались и жизнь, и творчество Л.Н. Толстого. Действительно, Г.В. Сегалин показывает наличие в его творчестве сильнейших подъемов и спадов.

Но, может быть, периоды относительно сниженной продуктивности в действительности лишь передышки и время подготовки, продумывания нового титанического труда? Нет. В письме С.А. Толстой к Т.А. Кузьминской описывается один из таких приступов депрессии: "Завтра месяц как мы тут, и я никому ни слова не писала. Первые две недели я ежедневно плакала, потому что Левочка впал не только в уныние, но и в какую-то отчаянную апатию. Он не спал, не ел, сам а la lettre плакал иногда... Потом он поехал в Тверскую губернию, виделся там со старыми знакомыми Бакуниными (дом либерально-художественно-земско-литературный), потом ездил также в деревню к какому-то раскольнику-христианину и когда вернулся, тоска его стала меньше" [86].

Л.Н. Толстой отличался огромной физической силой. <...> Тот злобный подъем силы, который он, по описанию в "Люцерне", так любил в себе - это способность к выбросу большого количества адреналина, один из компонентов способности к преодолению больших трудностей. Но, разумеется, огромная сексуальная и физическая сила - это только факторы, способствующие реализации, как и ранне-детский импрессионизм, породивший неудержимое стремление к справедливости, к пониманию. Из

несовместимости этих стремлений с действительностью рождается конфликт и творчество. Но почему у миллионов это решается посредственно, а у Л.Н. Толстого - гениально, это загадка и тайна личности. И если Бальзак создал 2000 персонажей, то Толстой создал меньшее их число, но зато каждого со своей вселенной.

Любопытно, что Л.Н. Толстой для того, чтобы легче творить, совершенно сознательно доводил себя до сильнейшего возбуждения. <...> Значит, и этому необъятному гению требовалось для творчества возбуждение. По меньшей мере двое, и притом именно гениальные, А.С. Пушкин и Л.Н. Толстой имели резко повышенную потенцию. Если не вера, то сексуальное воздержание (сублимация) лежит в основе интеллектуальной мощи многих церковных деятелей (*"Из пророка, познавшего женщину, 77 дней не говорит Бог"*). Однако рассмотрение этого гормонального механизма - дело будущего. Для нас важно, что два механизма, сыгравших такую роль в истории и культуре Запада, играли достаточно важную роль и в этой родословной.

По крайней мере 5 из 11 замечательно талантливых в роду Толстых-Пушкиных очень высоколобы и гигантолобы - Тютчев, Чаадаев, А.И. и В.Ф. Одоевские, К. Леонтьев.

Чтобы не ввести читателей в заблуждение, мы должны дать хотя бы неполный список замечательных родов, внутренний механизм поразительной активности которых нам выяснить не удалось. Нужно показать обширность неизвестного и ориентировать последующих исследователей на дальнейшие поиски. <...>

Итоги и перспективы; задачи историогении и гениеологии; непредсказанное прошлое

По Ф. Энгельсу, эпоха требует титанов и порождает титанов. Но если этими титанами в 20% случаев оказываются подагрики, то нетрудно рассчитать, что на одного гениального подагрика с уровнем мочевой кислоты выше 7%, с максимальной стимуляцией воли и мышления, а также со связанной с подагрой периодической, а потом и хронической инвалидностью, должно приходиться столько же, а то и вдвое больше гиперурикемиков, пусть с менее мощным стимулом, но зато и без периодической и хронической инвалидности.

Каролинги, султаны Османы, Медичи, Бэконы, Берлеи, династии потомков Вильгельма Молчаливого, Бернулли, Питты с "проскоками" позволяют думать, что подагра и гиперурикемия поставили около 40% гениев мировой истории и культуры. Весьма вероятно, что "проскоки", наблюдаемые в подагрических династиях, объясняются не только неполнотой патографии, но и тем, что у передатчиков гиперурикемия из-за безалкогольности не доходила до патологических уровней. Чуть ли не 15-20% гениев гигантолобы, а еще 3-4% - гипертимно-депрессивны.

Несомненно, что количественно и синдром Марфана, и синдром Морриса поставляли человечеству лишь очень малую долю гениев и замечательных деятелей. Но для раскрытия механизмов гениальности оба синдрома необычайно важны. Синдром Марфана раскрывает значение адреналинового стимула, который имеется, пусть не в столь выраженном виде, у множества людей, этим синдромом не страдающих. Редчайший синдром Морриса показывает действие избыточных свободных андрогенов, также присутствующих у многих лиц, свободных от этого синдрома. <...>

Если при гипертимной депрессии масса сил и времени теряется из-за депрессии, то гипоманиакальность без депрессии должна давать гораздо более сильный и постоянный подъем. Мы имеем в виду тех, кто почти постоянно работает в состоянии непатологического возбуждения, созданного заинтересованностью и особыми ценностными параметрами. Гигантолобость и очень выраженная высоколобость необязательны для громадных достижений, если мозг, с негигантскими лобными долями, живет в состоянии каждодневной деятельности, каждодневно "на чеку". Биографии великих деятелей постоянно демонстрируют огромное значение "установки", верности определенной системе ценностных координат, своеобразной одержимости, которую можно усмотреть не только в действиях Филиппа и Александра Македонского, Дионисия I, Жанны д'Арк, Микеланджело, Колумба и других, но и у множества тех, у кого отсутствующий биологический стимул был подменен "установкой", своей системой ценностей. <...>

По-видимому, как это следует из чрезвычайно высокой частоты подагры и резкого высоколобия у гениев, проявивших себя в самых разных видах творчества, решающую роль играет общий интеллект и воля к свершению. Эти-то два фактора и приводят к тому, что личность избирает для себя (иногда методом проб и ошибок) то поприще, на котором сможет себя полнее проявить, ту область, в которой личность обладает нужными частными дарованиями. <...> Если гениальность - наивысшее проявление человеческих возможностей - гарантирует и вечную неудовлетворенность и личное несчастье, то в чем же может заключаться счастье, доступное всем, даже гениям?

Вероятно, самый прочный вид счастья - чувство своей незаменимости, нужности. Нужность влюбленных друг другу, нужность мужа - жене, жены - мужу, обоим детям, друга - друзьям, нужность воспитателей, учителей, преподавателей, педагогов - учащимся, руководителей - делу, чувство нужности у того, кто делает свое дело. Мерила нужности непросты, но счастье творца - в сознании и признании нужности. Если для гениальности нужны "лишь" условия развития и реализации и внутренний допинг, значит мозг человека потенциально могуч.

Дж. Гексли говорил: "Человек как вид может возвыситься над собой - не просто спорадически, один индивид каким-то образом здесь, другой индивид там, но именно в качестве человечества в целом. Если нужно назвать новую цель, то, может быть, подойдет слово "трансгуманизм": оставаясь человеком, он подымается над собой, реализуя новые возможности своей человеческой природы, ради этой природы. Я верю в трансгуманизм: если однажды появится достаточно людей, способных устремиться к нему, человеческий вид окажется на пороге нового образа жизни <...>. Человек наконец станет сознательно осуществлять свое истинное назначение". <...>

Заключение

Мы полагаем, что в последующем всем биографам придется обращать особое внимание на патографические и экстремальные особенности описываемых ими выдающихся деятелей, что историкам, специалистам по любым разделам истории, надо будет стараться выяснить, в частности, и какие внутренние постоянные, хронические допинги обусловили исключительную активность выдающегося деятеля, а также тот микросоциум, который формировал его личность, его идеалы и направленность деятельности. Что эти же вопросы должны привлечь внимание педагогов, пожалуй, очевидно.

В формировании личности как социобиологического явления на первом месте стоит социум и микросоциум, что демонстрируется резким колебанием частоты появления

выдающихся деятелей и гениев. Однако всякому синтезу должен предшествовать анализ, и автору, как специалисту в области генетики человека, отмечая примат социального, надо было раскрыть и конкретизировать роль биологических факторов, в первую очередь четырех хронических, постоянных внутренних допингов.

Полученный результат необычайно важен: по-видимому, "нормальный", "средний" человеческий мозг при отсутствии внешних по отношению к нему тормозов и при хроническом воздействии любого из четырех внутренних допингов оказывается потенциально способным к необычайно высокой продуктивности, близкой к гениальной. Если этот факт не был установлен до сих пор, если эта потенция не развивалась и не реализовывалась, то это лишь подчеркивает роль социальных факторов, стесняющих и ограничивающих как развитие, так и реализацию. Конкретизация факторов, тормозящих или стимулирующих развитие и реализацию - в первую очередь дело социологов и педагогов, но в этом может очень помочь изучение биографий выдающихся деятелей, как реализовавшихся, так и нереализовавшихся. Хотя это, конечно, вовсе не исключает другие пути анализа. <...>

Что изменчивость самого субстрата мышления, мозга в пределах нормы тоже играет роль, несомненно, несмотря на всю условность нашей поверхностной классификации от "гигантолобия" до "низколобия". Существуют же выражения типа: *"не лоб, а ума палата"*. Однако возникает вопрос, действительно ли для необычайно высокой творческой активности необходимо наличие хотя бы одного из пяти факторов, или она может стать следствием сочетания благоприятнейших социальных факторов и счастливой комбинации каких-либо специальных способностей. Мы не можем ответить на этот вопрос. Более того, можно назвать случаи, где именно это имело место. <...>

Хотя общественное мнение совершенно не подготовлено к восприятию нашего аналитического подхода, тем более к пониманию следствий из него и открывающихся возможностей, мы вынуждены остановиться и на них <...>.

Недостаток места заставляет нас отказаться от изложения программ сверххранного выявления обладателей других факторов. Наилучшим решением вопроса ранней оптимизации умственного развития было бы предоставление матерям "перспективных" детей оплачиваемого четырехлетнего послеродового отпуска, как это уже осуществляется в Венгрии безотносительно к вероятной "перспективности" ребенка. Составление программы воспитания, развития и обучения ребенка с высоким интеллектом должно быть поручено педагогам, здесь можно лишь бегло упомянуть о целесообразности создания промышленности обучающих игрушек для детей домашних, ясельных и детсадовских, о целесообразности раннего обучения чтению и иностранным языкам, о целесообразности раннего поступления в школу, о создании постоянно действующих летних курсов для желающих и способных экстерном пройти 1-2 класса.

Экстернат и раннее поступление в высшее учебное заведение должны постоянно быть в поле зрения родителей и преподавателей, и это следует всячески поощрять, если подросток на это способен и активно к этому стремится. <...> Мы можем здесь только кратко упомянуть о возможностях сверххранной диагностики и ранней стимуляции, так как высказанные соображения, вероятно, и без того будут встречены не слишком одобрительно. <...> Вопрос о том, "справедливо" ли предоставлять немногим "избранникам" с раннего детства особые льготы, А решается относительно просто: речь идет не столько о льготах, сколько о перегрузках, и, наконец, "избранным" приходится довольно тяжело и уж конечно безвинно расплачиваться: женщинам с синдромом Морриса - бесплодием и бездетностью, при синдроме Марфана - физической

нескладностью, гипоманиакально-депрессивным - мучительными депрессиями, еще не преодолеваемыми медикаментозно, гиперуремиком - постоянной угрозой подагрической вспышки.

Хотя "ценность" выдающегося деятеля лишь редко можно выразить в каких-то суммах, <...> но добавочное развитие и реализация хоть нескольких деятелей, в том числе и "эквивалентных" им по рангу ученых, композиторов, художников, писателей, существенно поднимает возможности общества в целом.

Использование выводов, очевидно, наткнется на многообразное противодействие, но зато может поднять человечество на новую ступень развития.

Список литературы

1. Lucka E. Stufen der Genialitat. Berlin, 1917. В. 2. S. 192.
2. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Госвоениздат. 1933. С. 163.
3. Стоун И. Жажда жизни. М., 1961. С. 418.
4. Andicss H. Das osterreichische Jahrhundert (1804-1918). Wien. Molden, 1974, 1-399.
5. Selye H. The stress of my life. N.Y., 1979. S. 43.
6. Duncan O.D. Eugenics Quarterly. 1968. V. 1. P. 16.
7. Bergins R. "Begabung" als Ergebnis von Lernvorgängen // Studium Generale. 1971. V. 24. N 2. S. 202-217.
8. Mestel A. Das physiologische geistige Leistungsmaximum in Lebensalter. Munchen. 1967. 1-83.
9. Bloom B.S. Stability and change in human characteristics. N.Y., 1964.
10. Altus W.D. Birth order and its sequence // Science. 1966. V. 151. N 3706. P. 44 - 49;
Goertzel V., Goertzel M.G. Cradles of Eminence. Boston, 1962;
Schachter S. Birth order, eminence and higher education // Am. Soc. Review. 1969. N 28. P. 707-768.
11. Wiener N. Ex-Prodigy. My Childhood and youth. N.Y., Simon, Schuster. 1953. P. 20.
12. Корчак Я. Избранные педагогические произведения. М. Просвещение. 1966.
13. Buckley T.A. The dawns of genius. L. Routledge. 1858. P. 407.
14. Гессе Г. Степной волк // Избранное. М. Худ. Лит. 1977. С. 264.
15. Eibl-Eibesfeld I. Der vorprogrammierte Mensch. Wien, Molden, 1973.
16. Josselin I.M. The capacity to love, a possible reformulation // Mental Health Digest. 1971. V. 3. N. 6. P. 5-10.
17. Jensen A.R. I Q of identical twins reared apart // Genetics and education. 1972. P. 307-326.
18. Munsinger H. The adopted child's I.Q. : a critical review // Psychological bulletin. 1975. V. 82. N. 5. P. 623-659.
19. Loehlin J.C., Nichols R.C. Heredity, environment and personality. Austin, Texas. 1976.
20. Kamin L.J. The science and politics of I.Q. N.Y., Wiley. 1974.
21. Woods F.A. Mental and moral heredity. A statistical study in history and psychology. N.Y., 1906.
22. Механизмы становления и значение этой системы рассмотрены В.П. Эфроимсоном в книге "Иммуногенетика", 1971.
23. Ellis H. A study of British genius. L. Constable. 1927.
24. Orowan E. The origin of man // Nature. 1955. V. 175. (так в оригинале - V.V.)
25. Talbott J.H., Ym T.F. Gout and uric acid metabolism. N.Y. Stratton, Intercontinental. 1976.
26. Stuckeley W. Of the Cont. L. Roberts. 1934.
27. Hogarth D.G. Philip and Alexander of Macedon. L. Murray. 1897.
28. Chapot V. Philippe II de Macedoine. P.: Browser. 1936. P. 37.
29. Abbott L. Pericles and the Golden Age of Athena. N.Y.: Coopersquare. 1970. P. 233.
30. Koester A., Nischer E. Das Seekriegswesen bei den Komem // Kromayer-Veith. "Heerwesen und Kriegfuhrung der Griechen und Romer". Munchen: 1928;
Reinhold M. Marcus Agrippa, a biography. Geneva-N.Y.: Humphrey. 1933.
31. Роллан Р. Жизнь Бетховена. М.: 1964. С. 80.
32. Irning W. Vie et voyages de Christophe Colomb. P.: Librairie Internationale. 1864.
33. Валишевский К.Ф. Великая разруха // Современные проблемы. 1913. С. 64-65.
34. Погодин М.П. История в лицах о царе Борисе Федоровиче Годунове. М., 1968. С. 4.
35. Grunwald C. La vraie histoire de Boris Godunov. P.: 1961. P. 130-131.

36. Graham S. Boris Godunof. New Haven. 1933.
37. Graham S. *Указ соч.* С. 174, 219, 244.
38. Grunwald C. *Указ соч.* С. 130.
39. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 108, 121, 126.
40. Black E.A. Milton's gout // *Bull. History of Medicine.* 1954. V. 48. N. 3. P. 201-212.
41. Muir K. John Milton. L., Longmans, 1955. P. 120.
42. Grey I. Peter the Great. N.Y., Lippincott. 1960.
43. Schuyler E. Peter the Great. N.Y., Russell. 1967. V. 2. P. 503-509.
44. *Указ. соч.* С. 508.
45. Валишевский К.Ф. Великая разруха. М.: "Современные проблемы". 1913. С. 258.
46. Goertzel V., Goertzel M.G. Cradles of Eminence. Boston, 1962.
47. Andics H. Das osterreichische Jahrhundert (1804-1918). Wien: Molden. 1974.
48. Далее в книге идет алфавитный перечень великих подагриков и библиографические справки, где упоминается подагра данного лица.
49. Wyngaarden J.B., Kelley W.N. Gout and hyperuricemia. N.Y.: Grune. Stratton. 1976. P. 28.
50. Дэнэм Б. Герои и еретики. М., 1967. 494-496.
51. Burnette C.B. The Shoemakers son / The life of Hans Christian Andersen. L. Harrap, 1946. P. 449.
52. *Ibid* P 489
53. *Ibid* P. 241.
54. *Ibid*. P. 485.
55. Stirling M. The Wild Swan. L.: Collins. 1965. P. 330-331.
56. *Ibid*. P. 35 - 36.
57. Clark S. The man who is France. N.Y., 1960.
58. Воспоминания о Корнее Чуковском. М., 1977.
59. Там же. С. 46 - 47.
60. Там же. С. 22.
61. Там же. С. 241
62. Там же. С. 209.
63. Там же. С. 227.
64. Там же. С. 402.
65. Там же. С. 436.
66. Prokop L. Die Chromosomen der Sport - Amazonen // *Kosmos.* 1972. V. 68. N10. P. 443 - 446.
67. Money J., Ehrhardt A.A. Prenatal hormonal exposure: possible effects on behaviour in man // *Endocrinology and human behavior.* 1968. P. 32-48.
68. Carrel A. Man, The unknown. 1967. P. 89.
69. *Ibid*. P. 143.
70. *Ibid*. P. 144.
71. Крепелин Э. Учебник психиатрии. 1910. Т. 2. С. 303.
72. Каннабих Ю. Циклотимия, ее симптоматология и течение. М., 1914, С. 307.
73. Bertelsen A., Harvald B., Hange M. Danish twin study of maniac depressive disorders // *Brit. J. Psychiatry,* 1977. V. 130. N4. P. 330-351,
74. Brain R.R. Authors and Psychopaths // *Brit. Med. J.,* 1949. V. 2. N4642. P. 1428.
75. Bracken B. Human genetische Psychologie // *Human genetik.* Berlin. 1969. Bd. I/A. S. 409-561.
76. Tobias Ph. The brain in hominid evolution. N.Y. 1971. P. 1-170.
77. Далее идет сравнительный анализ огромного числа портретов различных выдающихся деятелей, результаты которого сведены в несколько таблиц. Автор пользовался такими трудами:

- Биографии композиторов с IV-XX вв. с портретами. Москва, 1904;
- Kretschmer E. *Geniale Menschen.* Berlin. 1958;
- Seidnitz W. *Allgemeines historisches Portratswerk / Eine Sammiung von 600 Portaten der beruhmtesten Personen alier Volker .und Stands seit 1300.* Munchen, 1884-1888. Bd. I-IV;
- Историческая портретная галерея. Отд. 1-6. СПб. 1885-1888;
- McGrow. *The Modem men of science.* N.Y., 1966.

78. Здесь использованы следующие источники:

- Catiell J.M. A statistical study of eminent men // *Popular Science Monthly.* 1903. V. 53. P. 359-378;
- БСЭ (2-е издание);
- Rackwitz E. *Die unsere Welt verandern Halfen.* Berlin, 1971;

- One hundred great lives, revealing biographies of scientists and inventors, leaders and reformers, writers and poets, artists and musicians, discoverers and explorers, soldiers and statesmen, great women. N.Y. 1945;
- Дэнем Б. Герои и еретики. М., 1967:
- RankeL Manner und Zeiten der Weitgeschochte. Koln, 1918. Bd. 1-3.

79. Woods F.A. Mental and moral heredity / A statistical study in history and psychology. N.Y., 1906.

80. ibid. P. 253, 254.

81. Назимова М.Н. Из семейной хроники Толстых // Исторический вестник. 1902. Т. 90. С. 104-132.

82. Кольцов Н.К. Родословные наших выдвигенцев // Русский евгенический журнал. 1926. Т. 4. N3/4. С. 103-141.

83. Гершензон М.О. П.Я. Чаадаев. СПб., 1908. С. 75-76.88.

84. Каменева Е.Н. Личность и генеалогия Пушкина с точки зрения современного учения о конституции и наследственности // Журнал психологии, неврологии и психиатрии. 1924. Приложение к Т. 4. С. 182-202.

85. Стафеев Г.И. Сердце полно вдохновения. Тула, 1973.

86. Сегалин Г.В. Патология личности и творчества Льва Толстого // Клинический архив гениальности и одаренности. 1930. Т. 5. N3/4. С. 79-80.